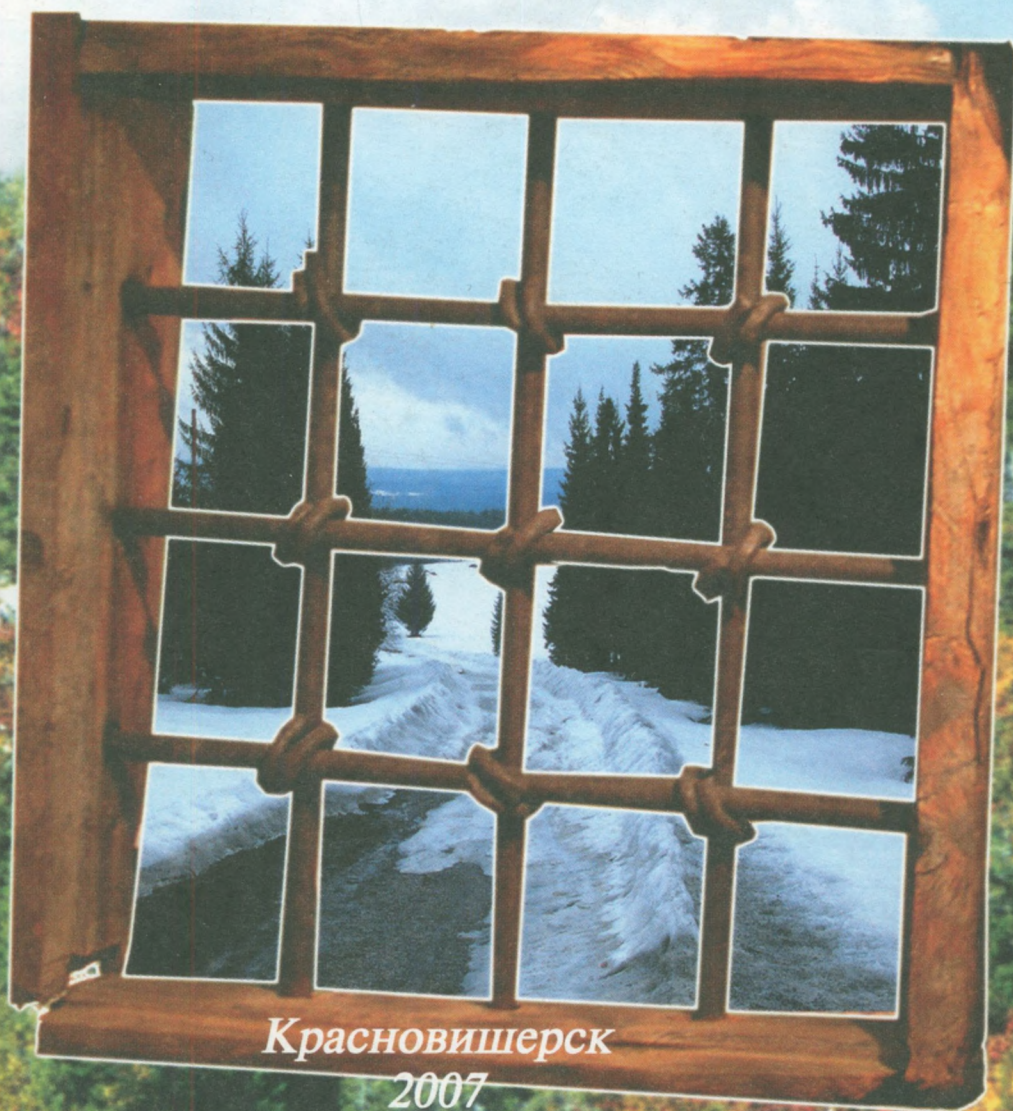

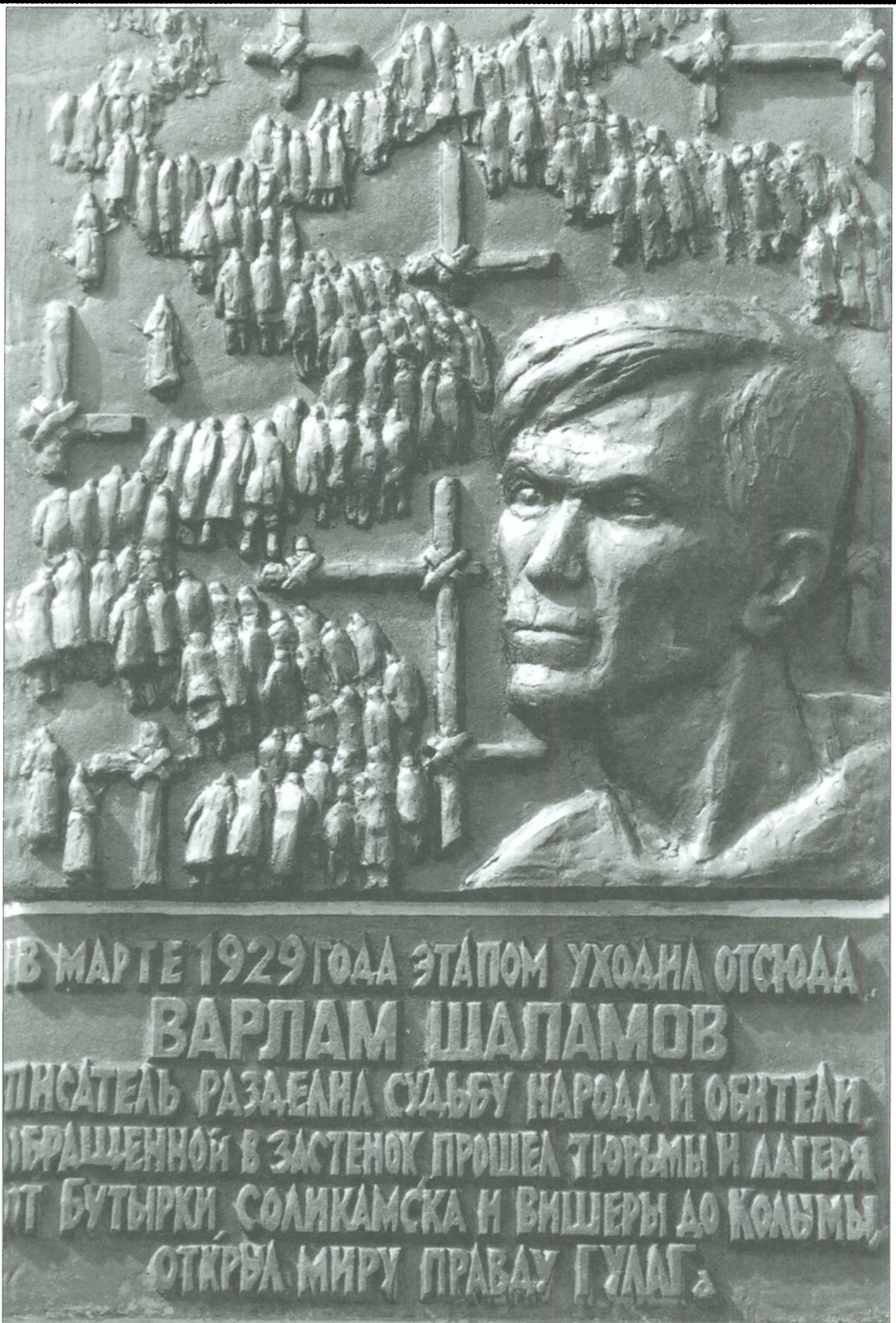
Посвящается 100-летию со дня рождения В.Т. Шаламова

В те грозные тридцатые...

Красновишерск

2007

Мемориальная доска на стене Свято-Троицкого собора в г. Соликамск.

С 1923 года в стране существовал лишь один лагерь для политических заключенных - Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), а также система политизоляторов. В 1926 году в Прикамье, на реке Вишера, появилось отделение СЛОНа. 11 июля 1929 года было принято постановление Совета народных комиссаров (СНК) "Об использовании труда уголовно-заключенных". В том же году Ви-

шерское отделение преобразовалось в самостоятельный Вишерский лагерь особого назначения, а в начале 1930 года - в Вишерский исправительно-трудовой лагерь. Заключенные Вишерского лагеря строили Вишерский бумажный и Березниковский химический комбинаты, занимались лесозаготовками. Максимальная численность заключенных достигла 39 тысяч человек в 1931 году. В 1934 году лагерь был закрыт.

ПИСАТЕЛЬ С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ

"Конечно, нам надо гордиться не ГУЛАГом - не четвертым отделением Соловецких лагерей особого назначения, известного в народе как Вишерский лагерь. Нам надо гордиться людьми, которые прошли земной ад - и не только не потеряли честь, а приобрели имена, ставшие звучать на весь мир. Настолько велик духовный потенциал русских людей. Единственное, что сегодня требуется от их потомков, - это осмысление того, что произошло в XX веке. Осмысление, а не сокрытие".

Юрий Асланьян.

Варлам Тихонович Шаламов родился в Вологде в 1907 году. Отец поэта, Тихон Николаевич, после окончания семинарии был православным миссионером на Алеутских островах.

Он памятен как человек широких прогрессивных воззрений. Его возвращение в Вологду пришлось на мятежные дни первой русской революции 1905 года. За отправление панихиды по жертвам черносотенцев, которая явилась открытым вызовом реакции, был временно лишен права священнослужения. Важно вспоминать эти обстоятельства, чтобы лучше представлять неслучайность тех черт характера поэта, которые не без основания иногда называют врожденными: чувства справедливости и необозримого стремления доискаться истины. Впрочем, это родовые черты русской интеллигенции.

Окончив школу, В.Т. Шаламов с 1924 года работал дубильщиком на кожевенном заводе в Кунцево. В 1926-1929гг. учился на факультете советского права в МГУ. Об этой поре жизни повествуют "Записки студента университета", которые опубликованы в "Юности" с предисловием Дмитрия Сергеевича Лихачева. Потом грянули первый арест и за ним тяжелые работы на строительстве Березниковского химвкомбината. Через три года вернулся в Москву, чтобы активно заняться журналистикой: его рассказы, очерки, стихи широко печатаются. Это счастливое время обретения первых читателей, время первого литературного признания. Оно предшествовало иному времени. Поэт не только признан, но и способен защи-

тить от беды. Однако сам нередко беззащитен.

У него была легкая походка. Это казалось невероятным для человека едва ли не двухметрового роста, с могучим разворотом плеч, с той совершенно богатырской статью, которой природа все реже наделяет людей, но в этот раз она щедро была не понапрасну - то, что выпало Варламу Тихоновичу Шаламову, было неизменно тяжело, трагично.

В редакции он появлялся всегда внезапно, неслышно проходя редакционными коридорами, усаживался, закинув ногу на ногу и сплетя пальцы рук на остром колене. И все же в этой его, казалось бы, совершенно статичной позе таилось много движения. Иногда подолгу молчал. Но всем в его присутствии было хорошо и спокойно, как будто по соседству с большим и сильным деревом. Говорил мало, преодолевая некоторую затрудненность речи, с застенчивостью, свойственной простодушным натурам.

И каждая фраза странным образом походила на него, и стихи были похожи на него: строгость, аскетичность и, может быть, даже суровость слога сопутствовали достоинству глубокой оригинальной мысли, отваге и бесстрашию сердечного порыва.

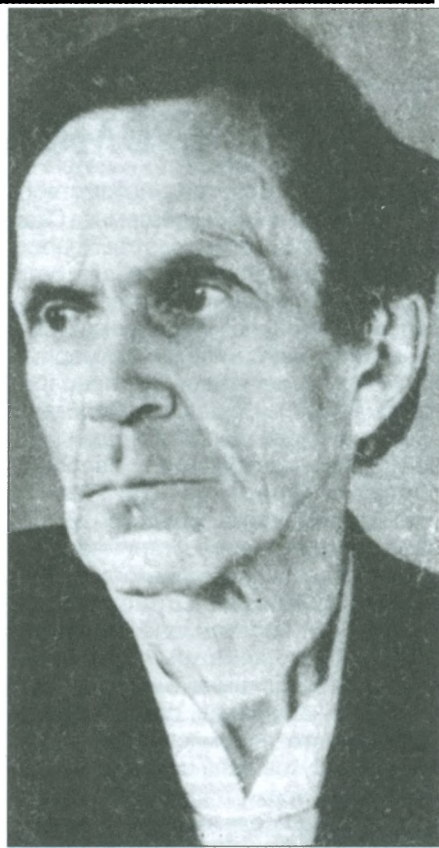
Подобно, многим, в 1937 году арестован и несправедливо осужден. Он сполна испил горестную чашу страданий и мук и только чудом выжил. Пятидесятые годы принесли освобождение и полную реабилитацию. Варламу Шаламову с головой погружается в литературную жизнь столицы, много и жадно работает. Сближается с Б.Л. Пастернаком, который высоко ценил его поэтическое дарование.

В издательстве "Советский писатель" выходят книги его стихов: "Огниво", "Шелест листьев", "Дорога и судьба", "Московские облака", "Точка кипения".

И все же основной материк шаламовских дум и трудов оставался закрытым.

У В. Шаламова были особые отношения со словом, он верно и строго служил слову, и оно служило ему. В этой взаимности не было и тени компромисса, а всегда присутствовала готовность к самопожертвованию - так друг служит другу.

Тяжело читать прозу Шаламова. В

ней много пространства, которое одинаково способно и увлечь взгляд, и остановить его. Сейчас "Колымские рассказы" прочли многие и почувствовали, что холодок вечной мерзлоты, тюрем и лагерей, вся свинцовая тяжесть муки мученической как-то неожиданно преодолевается путем чтения. Совершается - если уместно в трезвое наше время произнести это - некое таинство, волшебство. Да, писательство - это путь из неволи.

В прозе Шаламова преступный мир, так же, как и родственный ему сановно-бюрократический аппарат сталинщины, нашел в авторе бесстрашного исследователя и неподкупного судью.

Сейчас читатели имеют возможность познакомиться со страницами "Четвертой Вологды" и антироманом "Вишера", блестящими статьями о литературе, рецензиями, письмами. Однако с начала 60-х и до середины 80-х годов Шаламова знали только как поэта. Стихи его печатались в основном в журнале "Юность" (вплоть до 1981 года). Умер В.Т. Шаламов в январе 1982 года.

(По материалам вступительной статьи Н. Злотникова к очеркам В. Шаламова "Жульническая кровь" и "Сучья война", опубликованным в библиотеке "Огонёк", Москва, изд. "Правда" 1989г.)

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ:

О времени, о литературе, о себе

Родился я в Вологде в потомственной священнической семье. Отец мой окончил Вологодскую семинарию и пошел по традиционной для рода дороге. Он проявил блестящие способности. Женился и принял священнический сан. Он поехал в Америку, на Аляску миссионером и проработал там 12 лет. Вернулся в Вологду в 1904 году, увлеченный ветрами первой русской революции - свободой слова, свободой печати. Принял службу священника городского Собора. В центре нашего старинного города стояла церковь святого Варлаама Хутынского. В честь этого святого отец и назвал меня, родившегося в 1907 году. Потом я превратил свое имя Варлаам в Варлама. Дом наш и сейчас уцелел, потому что занимал место рядом с Собором. На Троицу и Духов день служили службу в этом Соборе.

В доме висела большая икона с огромным ликом Христа в терновом венце. Потом я узнал, что отцовская икона была репродукцией картины Рубенса. Эту репродукцию отец освятил по всем каноническим правилам и молился перед ней до конца жизни. Я в отцовского Бога не верил. Я мог понять Пророка, внимающего в пустыне Господу. Но обращение к Богу за мирскими советами - это было мне чуждым и не вызвало уважения.

Небосвод нашей семьи держала на своих плечах моя мама. Мама любила стихи. Она была одним из немногих людей, для которых нравственный кодекс был изложен в форме стихотворных строк. Мама, способная, талантливая, энергичная, превосходящая отца духовными качествами, прожила жизнь, мучаясь, и умерла, как самая обыкновенная попадья, не умея вырваться ни из цепей семьи, ни быта.

Брат мой, Сергей, родившийся в Америке, был инициатором катания с высокой соборной горы. Горка до сего дня называется Шаламовской, по имени моего брата. А Сергей в 1917 году пошел добровольцем на фронт и был убит. В эпитрахили, измятой, покосившейся, отец провел около тела сына всю ночь и ослеп от слез.

Помню Февральскую революцию. Как легко рухнул двуглавый орел с нашей мужской гимназии.

1918 год был крахом нашей семьи. По духовенству пришлось первый удар зверских народных страстей. И пусть мне не поют о народе. Если такое понятие существует, народ в нео-

писуемом долгу перед русским священством.

Вскоре я окончил гимназию. И тут же выяснилось, что никакого направления в вуз детям духовенства РОНО давать не будет. Отец добился приема у заведующего РОНО. Заведующий - Ежкин. В жизни я не забуду этот визит. Ежкин принял нас стоя.

Он был возмущен:

-Поп! В кабинете!

Голос Ежкина звенел:

-Нет, гражданин Шаламов. Ваш сын не получит высшего образования!..

Ежкин сложил фигу и поднес к моим глазам.

-Это я фигу ему показываю, - разъярил Ежкин моему отцу. - Чтоб вы тоже это знали.

Ветреной осенью я покинул Вологду.

Все мое прошлое было еще впереди.

В 1926 году впервые объявили прием в вуз по свободному конкурсу. У меня появилась возможность проявить себя.

Когда я был принят в университет, отец молился на коленях всю ночь.

Одним из самых памятных зрелищ остались в памяти диспуты Луначарский - Введенский.

-Мы с Анатолием Васильевичем не сходимся по некоторым вопросам. Анатолий Васильевич считает, что человек произзошел от обезьяны. Что ж, каждому его родственники лучше известны, - говорил митрополит.

19 февраля 1929 года я был арестован. Следователь направил меня в одиночную камеру Бутырской тюрьмы. Здесь я понял навсегда, что одиночество - оптимальное состояние человека. Идеальная цифра - единица. Помощь единице оказывает Бог, Идея. Вера. Я ощущал великое душевное спокойствие. Мне удалось найти ту форму, которая очень проста и отточена опытом поколений русской интеллигенции. Русская интеллигенция без тюрьмы не вполне русская интеллигенция.

Я пришел с приговором три года концлагерей за распространение заветаний Ленина. Приговор мне выписали по уголовной статье. Я отказался расписаться в том приговоре. С ворами в одном вагоне я отправился на Урал в лагерь.

В подвале Соликамской милиции, в бывшем монастыре, мне предстояло провести ночь. Я, неопытный юнец, искал глазами подобие печки. Люди были набиты в подвал так, что нельзя было ни сесть, ни лечь.

На рассвете туман рассеялся, и открылся потолок. Тюремное церковное небо было совсем близко. На стенах в подвале я прочел письма, сделанные простым углем: "В этой могиле мы умирали: и все-таки не умерли. Крепитесь, товарищи!".

На первой же поверке на этапе (на Вишеру) я заступился за сержанта, которого избивал конвой. Я хотел доказать себе, что я не хуже моих любимых героев русской литературы. Я вышел из строя: "Не смеет бить человека. Это не советская власть!" Сержанта оставили. Били меня конвоиры. Рот залила мне теплая кровь. Я выплюнул первый выбитый зуб.

Работал в Березниках на строительстве химкомбината. Берзин звал меня на Колыму, на колонизацию края. "Нет, гражданин начальник, на Колыму только с конвоем", - сказал я.

Я вернулся в Москву и крепко стоял на всех четырех лапах.

Вернулся к своей литературной ипостаси, поступил в журнал. И понял, что работа газетная и работа писателя - вещи разные. Я работал, писал, перестал замечать время. Я набирал силу. Готовилась книга рассказов.

12 января 1937 года в мою дверь постучали. Я поцеловал в кровать дочь, попрощался с женой и поехал через весь город, в Бутырскую тюрьму. Ничего не изменилось в ней. С первой тюремной минуты мне было ясно, что ошибок в арестах нет, что идет планомерное истребление целой социальной группы, всех, кто запомнил из русской истории не то, что в ней следовало запомнить.

Здесь я получил похвалу, которую считаю самой лестной, Генеральный секретарь общества политкаторжан, бывший эсер Андреев, прощаясь со мной в Бутырке, сказал: "Ну, Варлам Тихонович, вы можете сидеть в тюрьме".

Особым совещанием я был осужден за контрреволюционную троцкистскую деятельность.

В этапке, я помню, мы сидели неделю. Потом нас начали перевозить на окружную дорогу. Грузили прямо в товарный поезд, где в вагонах-теплушках были нары, в оконцах - решетки. Мы двинулись в полуторамесячный путь к Владивостоку.

Колыма приближалась.

Помню хорошо, я был совершенно спокоен. Готов на что угодно. Но сердце сжалось и забилося неволь-

но. И я подумал - нас привезли сюда умирать.

Я катал тачку в открытых забоях золотых приисков Колымы.

Я тачечник высокой квалификации. Никаких знаний, никакого умения я не принес с Колымы. Но всем своим знанием, всем телом я знаю, умею и могу повторить, как катать, возить тачку.

Осенью 1943, не имея ни сил, ни надежды жить, я, доходяга, был помещен в больницу.

Я полз вдоль кювета, царапая снег, лед и камень голыми ладонями. Я рычал, сопел, скреб землю. Я держался за кювет, как за огромный канат, протянутый через бездну к спасению. Дополз до больничного барака. Меня облили теплой водой и дали белье без вшей. Это был рай Колымы.

Дизентерии у меня не было, а была пеллагра. Еще страшнее. Но мне в то время было все равно. Этим равнодушием, этим бесстрашием был переброшен какой-то мостик от смерти.

"Сентенция", - кричал я, обращаясь к небу. Неделю я не понимал, что значит слово "сентенция". А через неделю понял и содрогнулся от радости.

В 1951 году я освободился, но выехать с Колымы не смог. Я работал фельдшером близ Оймякона, я писал на обороте старых рецептурных книг. Две из них передал Пастернаку. Через полгода меня вызвали в управление за письмо. На попутках, на собачьей упряжке я прошел 500 км. На пятье сутки мне подали в руки письмо, от Пастернака.

Потом пришла амнистия. Блатные и фраера торопились выехать. Пароходство выделило им пароход для движения вниз по Лене. Продуктов оказалось мало. Блатные захватили пароход и командовали. Фраеров резали. Варили в пароходном котле. Остались, кажется, капитан да штурман.

Осенью 1953 я выехал с Колымы. Впереди была Москва, встреча с женой, с дочерью, которую я оставил в 37-м году, поцеловав в кроватке, ушел со следователем на целых 17 лет. Я шел пешком через Красную площадь, через 17 лет я встретился с городом, который я знал, в котором учился и сражался.

Только вчера была Колыма и белый туман Заполярья. Сегодня звоню у порога в Лаврушинском переулке. Счастье, великое счастье было в том, что за дверью меня ждал Пастернак.

Наша беседа касалась больше общих вопросов искусства, чем лагеря, тюрьмы. Борис Леонидович был общим. И это я хорошо понимал. Я видел лицо, веселые его глаза.

Здесь я получил вторую похвалу в своей жизни.

-Знаете, Варлам Тихонович, - сказал Пастернак, - ваше определение рифмы как поискового инструмента - это пушкинское определение. Теперь модно ссылаться на авторитеты. Вот я тоже ссылаюсь на авторитет Пушкина.

Борис Леонидович был увлекающийся человек. И скидка нужна значительная. Но мне было очень приятно.

По Москве еще ходили милиционеры. Проверяли в каждой квартире лишних и чужих. Даже первую ночь я провел не дома. Жена боялась впустить в квартиру постороннего.

Я уехал в Калининскую область, небольшой городок. У меня был паспорт с 39-й статьей на проживание в поселках с населением не больше 10 тысяч.

В Решетниково, где я поселился, было немало интересного, но у меня не было времени. Мне было больше 45. Я старался обогнать время. Писал день и ночь. Каждый день я боялся, что время кончится, что я уже не напишу ни строчки. Мой материал, то грустный, то зловещий, не давал ни минуты покоя.

Рассказы, которые я начал писать, рождались с большим трудом. Каждый мой рассказ был прокричен.

-Забудем все. Поживем для себя, - просила жена.

-Никогда не забуду, - сказал я. - И жить буду, чтобы помнить и отомстить этим с...

Документы нашего прошлого уничтожены. Караульные вышки спилены. Бараки снесены с землей. Ржавая колючая проволока смотана и унесена куда-то в другое место. На развалинах "Сerpантинки" растет Иван-чай, цветок пожара, забвения, враг архивов и человеческой памяти.

Были ли мы? Отвечаю: были. Со всей выразительностью протокола, ответственностью, отчетливостью документа. Потребность в такого рода документах чрезвычайно велика. Ведь в каждой семье, и в деревне, и в городе, среди интеллигенции, рабочих и крестьян были родственники и знакомые, которые погибли в лагерях. Это и есть тот русский читатель, который ждет от меня ответа.

Я считаю лагерь отрицательным опытом для человека. Человек не должен знать, не должен даже слышать о нем.

Никто не должен знать, что моим соседом по нарам был лейтенант танковых войск Свешников, нежный розовощекий юноша, осужденный военным трибуналом по службе. Здесь он тоже был под следствием. Работая на прииске, был уличен в том, что ел мясо человеческих трупов из морга,

вырубая куски, нежирные, конечно, как он спокойно объяснял.

Соседей по нарам не выбирают. Да, есть, наверное, дела и похуже, чем обедать человеческим трупом.

Лагерь - отрицательный опыт. Этого не следует знать. Уж если ты видел, то должен сказать всю правду, какой бы страшной она ни была.

Мои "Колымские рассказы" - это судьба мучеников, не бывших, не умевших и не ставших героями.

Есть какая-то глубочайшая неправда в том, что человеческие страдания становятся предметом искусства. И хуже всего то, что для художника - записать - это отделаться от боли. Это тоже плохо.

Надо брать не перо, а винтовку.

Осенью 1956 года я вновь реабилитирован и вернулся в Москву.

Работал в журнале "Москва", писал статьи и заметки по вопросам истории, науки, искусства. Многие журналы брали у меня стихи, но вернули все назад. Мне дали пенсию по инвалидности - 42 руб. 30 коп. Жить на эти деньги было невозможно. Я подрабатывал в "Новом мире", писал рецензии. Здесь мы встретились с Солженицыным.

"Дорогой Александр Исаевич, - писал я ему в Рязань, - скажите Твардовскому, что в его журнале лежат мои стихи. Я не могу добиться, чтобы их показали Твардовскому, лежат там и рассказы, в которых я показал лагерь так, как я его видел и понял.

Твардовский посмотрел стихи и сказал, что такие стихи народу не нужны. О рассказах же рецензент сказал, что в них нет даже трудового пафоса Ивана Денисовича.

25 января 1972 года я узнал от редактора моей книги "Московские облака" о публикации "Колымских рассказов" на Западе. Книга в "Советском писателе" была закрыта. Б. Полевой сказал: "Ты в списках. Надо писать письмо".

Я писал его. Черкая. И снова писал. Много, слишком много сомнений испытал я.

15 февраля я отправил письмо в редакцию "Литературной газеты".

"Проблематика "Колымских рассказов" давно снята жизнью", - прочел я 23 февраля свою фразу.

Моя книга стихов была сдана в набор. Меня на руках внесли в "Союз писателей".

-Варлам Шаламов умер, - написал Солженицын.

Но я был еще жив. Я успел даже съездить в Ялту и Коктебель по путевкам "Литфонда".

"Литфонд" мне выписал последнюю путевку - в дом престарелых.

Подготовила Нина ДЮКОВА.

КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

Так это начиналось

Три смертных вихря скрестились и клокотали в снежных забоях золотых приисков Колымы в зиму тридцать седьмого - тридцать восьмого года. Первым вихрем было "берзинское дело". Директор Дальстроя, открыватель лагерной Колымы Эдуард Берзин, был расстрелян как японский шпион в конце тридцать седьмого года (в августе 1938 года). Вызван в Москву и расстрелян. С ним вместе погибли его ближайшие помощники - Филиппов, Майсурадзе, Егоров, Васьков, Цвирко - вся гвардия "вишерцев", приехавшая вместе с Берзиным для колонизации Колымского края в 1932 году.

Иван Гаврилович Филиппов был начальником УСВИТЛ (Управление северо-восточных исправительно-трудовых лагерей), заместителем Берзина по лагерю. Старый чекист, член коллегии ОГПУ, Филиппов был когда-то председателем "разгрузочной тройки" на Соловецких островах. Есть документальный кинофильм двадцатых годов "Соловки". Вот в этой картине и снят Иван Гаврилович в своей тогдашней главной роли. Филиппов умер в Магаданской тюрьме - сердце не выдержало.

"Дом Васькова" - так называлась и называется по сей день Магаданская тюрьма, которую строили в начале тридцатых годов, - потом из деревянной тюрьма превратилась в каменную, сохранив свое выразительное название, - начальник был по фамилии Васьков. На Вишере Васьков - человек одинокий - проводил выходные дни всегда одинаково: садился на скамейку в саду или в лесочке, заменявшем сад, и стрелял целый день по листьям из мелкокалиберной винтовки.

Алексей Егоров - "рыжий Лешка", как его звали на Вишере, был на Колыме начальником производственного управления, объединяющего несколько золотых приисков, кажется, Южного управления.

Цвирко был начальником Северного управления, куда входил и прииск "Партизан". В 1929 году Цвирко был начальником погранзаставы и приехал в отпуск в Москву. Здесь после ресторанный кутежа Цвирко открыл стрельбу по колеснице Аполлона над входом в Большой театр - и очнулся в тюремной камере. С его одежды были

спороты петлицы, пуговицы. Среди арестантского этапа Цвирко весной 1929 года прибыл на Вишеру и отбывал там положенный трехлетний срок. С приездом на Вишеру Берзина в конце 1929 года карьера Цвирко быстро пошла вверх. Цвирко, еще заключенным, стал начальником командировки "Парма". Берзин не чаял в нем души и взял его с собой на Колыму. Расстрелян Цвирко, говорят, в Магадане.

Майсурадзе - начальник УРО, отбывший когда-то срок "за разжигание национальной розни", освободившийся еще на Вишере, тоже был одним из любимцев Берзина. Арестован он был в Москве, во время отпуска, и тогда же расстрелян.

Все эти мертвые - люди из ближайшего берзинского окружения. По "берзинскому делу" арестованы и расстреляны или награждены "сроками" многие тысячи людей, вольнонаемных и заключенных - начальники приисков и лагерных отделений, лагпунктов, воспитатели и секретари парткомов, десятники и прорабы, старосты и бригадиры... Сколько тысячелетий выдано "срока" лагерного и тюремного? Кто знает...

В удушливом дыму провокаций колымское издание сенсационных московских процессов, "берзинское дело", выглядело вполне респектабельно.

Вторым вихрем, потрясшим колымскую землю, были нескончаемые лагерные расстрелы, так называемая "гаранинщина". Расправа с "врагами народа", расправа с "троцкистами".

Много месяцев день и ночь на утренних и вечерних поверках читались бесчисленные расстрельные приказы. В пятидесятиградусный мороз заключенные-музыканты из "бытовиков" играли туш перед чтением и после чтения каждого приказа. Дымные бензиновые факелы не разрывали тьму, привлекая сотни глаз к заиндевелым листочкам тонкой бумаги, на которых были отпечатаны такие страшные слова. И в то же время будто и не о нас шла речь. Все было как бы чужое, слишком страшное, чтобы быть реальностью. Но туш существовал, гремел. Музыканты обмораживали губы, прижатые к горловинам флейт, серебряных геликонов, корнет-а-пистонов. Папиросная бумага покрывалась инеем, и какой-нибудь начальник, чита-

ющий приказ, стращивал снежинки с листа рукавицей, чтобы разобрать и выкрикнуть очередную фамилию расстрелянного. Каждый список кончался одинаково: "Приговор приведен в исполнение. Начальник УСВИТЛ полковник Гаранин".

Я видел Гаранина раз пятьдесят. Лет сорока пяти, широкоплечий, брюхатый, лысоватый, с темными бойкими глазами, он носился по северным приискам день и ночь на своей черной машине ЗИС-110. После говорили, что он лично расстреливал людей. Никого он не расстреливал лично - а только подписывал приказы. Гаранин был председателем расстрельной тройки. Приказы читались день и ночь: "Приговор приведен в исполнение. Начальник УСВИТЛ полковник Гаранин". По сталинской традиции тех лет, Гаранин должен был скоро умереть. Действительно, он был схвачен, арестован, осужден как японский шпион и расстрелян в Магадане.

Ни один из многочисленных приговоров гаранинских времен не был никогда и никем отменен. Гаранин один из многочисленных сталинских палачей, убитый другим палачом в нужное время.

"Прикрывающая" легенда была выпущена в свет, чтобы объяснить его арест и смерть. Настоящий Гаранин якобы был убит японским шпионом на пути к месту службы, а разоблачила его сестра Гаранина, приехавшая к брату в гости.

Легенда - одна из сотен тысяч сказок, которыми сталинское время забивало уши и мозг обывателей.

За что же расстреливал полковник Гаранин? За что убивал? "За контрреволюционную агитацию" - так назывался один из разделов гаранинских приказов. Что такое "контрреволюционная агитация" на воле в 1937 году - рассказывать никому не надо. Похвалил русский заграничный роман - десять лет "аса" (антисоветская агитация). Сказал, что очереди за жидким мылом чересчур велики, - пять лет "аса". И по русскому обычаю, по свойству русского характера, каждый, получивший пять лет, - радуется, что не десять. Десять получит - радуется, что не двадцать пять, а двадцать пять получит - пляшет от радости, что не расстреляли.

Глава из произведения
Варлама ШАЛАМОВА.

АНТИРОМАН "ВИЩЕРА"

"Этап с севера"

Понятно, этап с севера - с лесозаготовок, где рубят руки, где цинга губит людей, где начальство ставит "на комарей" в тайге, где "произвол"; где при переходах с участка на участок арестанты требуют связывать им руки сзади, чтобы сохранить жизнь, чтоб их не убили "при попытке к бегству".

Я помню эту тучу пыли и сейчас.

С недавнего времени по лагерю ползли слухи, что меняется начальство, что в Соловках аресты начальников, что и наш лагерь накануне больших перемен. К лучшему? К худшему?

Бежал Володенков, нарядчик, на моторной лодке вместе с мотористом.

Бежал Кононов, старший нарядчик, лесами ушел.

Приехала московская комиссия, расстрельная комиссия. Начальник управления Муравьев был арестован. Арестован был, к моему величайшему удивлению, Николай Иванович Глухарев - за взятки, за связь с блатарями. Пять лет получил он "довесок" и ушел работать монтером на строительство. И по зачетам освободился.

Приехал новый директор строительства Вишхимза - Эдуард Петрович Берзин, бывший командир латышской дивизии, герой дела Локкарта. С ним приехало много латышей - нового лагерного начальства: Лимберг, Теплов, Вальденберг.

Типичный лагерь ГУЛАГа.

ОГПУ были переданы исправдома, началось широкое лагерное строительство - перековка. Концлагеря были переименованы в исправительно-трудовые. Население арестантское росло. День и ночь шли поезда, этап за этапом. 4-е отделение Солов-

ков было преобразовано в самостоятельный лагерь УВИТЛ. Общее количество заключенных в нем к январю 1930 года достигло 60 тысяч. А в апреле, когда пришел наш этап, было только две тысячи.

Открыли Тамники, Ухта-Печору, Карагану, Свирлаг, Бамлаг, Дмитлаг... Наш лагерь был "опытным хозяйством" перековки.

Весной двадцать девятого года в отделе труда познакомился я с Александром Александровичем Тамариным.

К вечерней "разнарядке" - назначению на завтрашние работы - пришел огромный седой старик, грузный, большерукий.

-Вот заявка,- протянул он бумагу Козубскому.

-Хорошо, вот из третьей роты Шаламов и пошлет.

-Трех человек, только тех, кто были раньше, я фамилии сейчас дам. А вы новенький?

-Новенький, - ответил за меня Козубский, - и из самой Москвы, Александр Александрович.

-Вот что. А что же вы делали в Москве? - седой старик повернулся ко мне.

-Учился в университете.

-Вот что. Вы не могли бы завтра, после развода, ко мне зайти? В сельхоз, на тот берег.

-На вахте не пустят, - сказал Козубский.

-Пустят, я скажу. К Тамарину, скажете, в сельхоз.

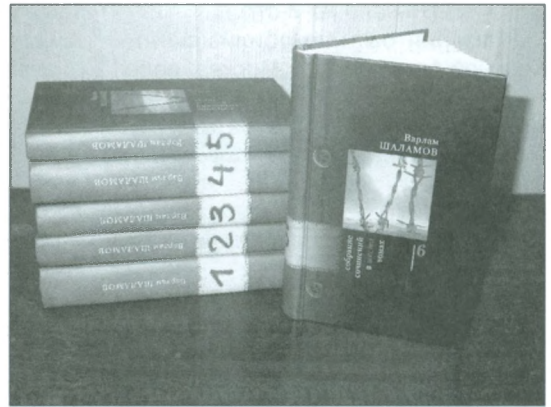
Старик ушел.

-Это - Тамарин Александр Александрович, агроном сельхоза, - объяснил мне Козубский. - Это - человек не простой.

На следующий день я был в сельхозе. Огромные оранжереи, парники - дело было ранней весной, подготовленные рассады, зелень, теплый парниковый запах земли. Седой огромный старик в татарском бешмете. Две женщины около него - одна такая же огромная, как он, с таким же огромным носом и такая же седая, другая - маленькая, с желтым сморщенным лицом, маленькими ручками.

-Моя мама, - указал Тамарин на седую женщину. - И моя сестра.

Я поздоровался.

-Я писал раньше обзоры в "Комсомольской правде", - сказал старик. - "Тамарин-Мирецкий" - такая подпись. В отличие от просто Тамарина... Тамарин - это псевдоним Окулова Алексея. Знаете такого писателя?

-Да, слышал. Крестьянский писатель.

-Ну, крестьянского в нем ничего нет. Мне нравится здесь, на Севере. И маме нравится. Маме восемьдесят шесть лет, и она всю жизнь прожила на юге. И сестре нравится. Она работает машинисткой в конторе. А я вот увлекался в юности цветами - пригодилось.

Александр Александрович вздохнул. Он дал мне журналы, книги, и мы распрощались. Разговоры с Тамариным, сельхоз на том берегу, тишина оранжерей...

-Вы еще молоды. Очень молоды. Но старше - будете ценить тишину. Мне - шестьдесят пять.

Срок у Тамарина был три года, три года концлагерей.

Александр Александрович был не Тамарин и не Мирецкий. Настоящая его фамилия была Шан-Гирей. Он был татарский князь из свиты Николая II. Когда Корнилов шел на Петроград, князь Шан-Гирей был начальником штаба пресловутой "Дикой дивизии". А потом, по призыву Брусилова, Шан-Гирей перешел на службу в Красную Армию, командовал корпусом в гражданскую войну. Корпус Тамарина принимал участие в операциях против Энвер-паши, против басмачей. Энвер был разбит, но ушел из окружения, перешел границу и исчез, а Тамарин был обвинен в военных ошибках, в помощи бегству Энвера.

(Продолжение на 8 стр.)

АНТИРОМАН "ВИШЕРА"

"Этап с севера"

(Начало на 7 стр.)

Тамарин был демобилизован из Красной Армии, жил в Москве, работал в газетах. Вскоре был арестован и заключен в концлагерь на три года. Любитель цветоводства и огородничества стал агрономом сельхоза.

-На досуге подумайте, - говорил мне Александр Александрович. - Цар-

ские офицеры, особенно высшие, вовсе не были бездельниками. Каждый знал, и хорошо знал, какую-нибудь рабочую профессию. Граф Игнатьев - кузнец, и хороший кузнец, я - агроном, цветовод, а полковник Панин, - что пришел с вами одним этапом, - великолепный столяр. И сейчас заведует столярной мастерской.

Да, позднее я знал еще замечательного мастера парикмахерского дела - забыл его фамилию... Тот был тоже, как и Тамарин, близок царскому двору.

-После революции, - рассказывал он, - я понял, что спасти меня может только ремесло. Не профессия, а именно ремесло. Вы понимаете меня? Я пошел к своему парикмахеру, который брил меня каждый день в течение десяти лет для двора. Тот за полгода научил меня всем премудростям. И вот я - парикмахер. Высококвалифицированный мастер. И в лагере не пропаду!

-Да и здесь, на Вишере, из трех лагерных дежурных комендантов -

только один - бывший штабс-капитан Александров - дежурил так, что сто дневальных и тридцать взводных боялись задремать хоть на секунду.

-Когда меня освободят - мне осталось меньше года, - я останусь здесь навечно. Маме здесь нравится, сестре тоже.

Эти беседы в сельхозе были очень хороши. Но продолжались они недолго. Внезапно Александр Александрович был вызван в Москву.

-На освобождение, - уверяли все.

-Нет, это не на освобождение, - говорил Александр Александрович, - это другое.

Мы расцеловались, и я не думал, что встречу его когда-нибудь.

Но через несколько месяцев в Березниках на пересыльный пункт "Ленва", куда я был переведен работать, прибыл из Москвы спецконвой. Конвоиры ушли обедать, а тот, кого они везли, сидел в камере на чемоданах и смотрел в окно, курил. Человек был сед, небрит. Орлиный профиль его был очень знакомым.

-Александр Александрович!

Мы расцеловались, и Тамарин рассказал свою историю.

За эти три года, что он сидел, за границей вышли многочисленные мемуары. И в каких-то воспоминаниях говорилось, что Энвер, старый знакомый Шан-Гирея - Тамарина, переписывался с ним во время гражданской войны, чуть ли не встречался. И Тамарин помог Энверу бежать.

-Но ведь это - провокация, Александр Александрович. Ведь это делается для того, чтобы огоршить, вызвать подозрения. Это же...

-Конечно, провокация. Цель Энвера я очень хорошо понимаю. Скомпрометировать меня в глазах Советской власти. К тому же лично я Энвера, действительно, знал. Был с ним

знаком. Мое дело пересмотрели и дали мне десять лет. Даже старые почти три года не зачли. Будет мне семьдесят пять, когда освобожусь. А маме - девяносто пять, - Александр Александрович улыбнулся. - Я просил одного - пошлите меня на старое место, на Вишеру, в сельхоз. Там я и умру. Меня и послали обратно.

Мы расцеловались, и больше я Тамарина не видел. Но кое-что знаю о нем. Когда Александр Александрович вернулся обратно - директор Вишхимза был уже новый - Эдуард Петрович Берзин. Берзин, старый чекист, очень хорошо понимал механизм подобных провокаций и, веря в человека, а не в бумагу, принял горячее участие в судьбе старика Шан-Гирея. Тамарин представлен был им на сокращение срока, а в 1932 году Берзин, уезжая на Колыму, взял Тамарина с собой, и Александр Александрович стал заведующим КОС - Колымской опытной станцией, работавшей по изучению и внедрению на севере сельского хозяйства. Именно Тамариным заложены основы сельского хозяйства на Крайнем Севере. В 1935 году, когда Дальстрой отмечал свое трехлетие, Александр Александрович Тамарин был награжден орденом Ленина. Судимость с него была снята. Тамарин умер на Колыме глубоким стариком, не дожив до ареста Эдуарда Берзина как японского шпиона. От всей свистопляски 37-38-х годов Тамарина избавила смерть. Все друзья последних лет жизни Александра Александровича - Берзин, Майсурадзе, Егоров, Лагин - расстреляны. До реабилитации их оставалось очень много лет. Александр Александрович, умерший раньше этих расстрелов, не нуждался в реабилитации.

Глава из произведения
Варлама ШАЛАМОВА.

ЭТО НАША ИСТОРИЯ

Только благодаря большевистским темпам строителей Вишерский комбинат был построен в рекордно-короткий срок - 18 месяцев. Стройка родила сотни героев. Будни строительства были наполнены замечательными делами.

Осень 1930 года. С севера дули пронизывающие ветры. В этих местах октябрь нес с собой первые заморозки. Людям не были страшны холода, они боялись за цементный раствор - морозами он будет приведен в негодность. Эта угроза принимала реальные формы и очертания. Зима угрожала захватить врасплох огромные, расшитые лесами здания.

-Стоит или не стоит строить зимой?

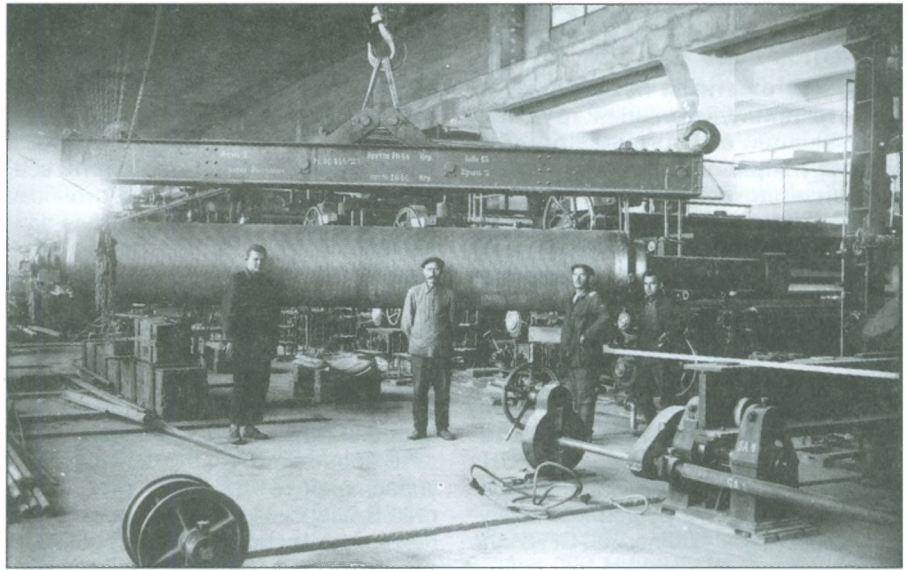
И было принято большевистское решение: строить! И даже строить более ударными темпами, строить на более развернутом фронте.

Зима 1930-31 годов явилась периодом наиболее развернутых работ. За шесть зимних месяцев одних строительных работ сделано в два раза больше, чем за пять летних месяцев. Днем и ночью, при свете фонарей и прожекторов, при 47-градусном морозе кипела работа. По реке Вишера, по дороге Соликамск - Вишера двигались обозы, тракторы, доставляющие оборудование и материалы...

Особенное внимание приковывала насосная станция. Чтобы ее построить, да еще в зимнее время и при пльвунах, пришлось выдержать отчаянную борьбу с рекой Вишерой. Нужно было отвоевать от Вишеры 12 000 000 ведер воды в сутки.

Как добывать такую уйму воды? Нужно было прокопать к реке галерею в 100 метров длиной, на глубине 10 метров. Эта галерея ведет к главной 13-метровой шахте станции, находящейся на расстоянии 75 метров от берега. Десятки раз вода заливала котлован и галерею. Поставили насосы, которыми вода выкачивалась обратно в Вишеру, но пескопльвун забивал насосы, и они выбывали из строя. Стали вбивать в твердый грунт электрическими копрами сваи, к которым прикреплялись железные башлыки, чтобы преградить дорогу песку.

Мороз в 45 градусов, ледяная вода, но борьба с Вишерой горячая.

Зал буммашин. Монтаж вала Белойта. 1931 год.

Раз за разом затапливается галерея, ломаются сваи, насосы забиваются песком, хрипят...

Но вот достигли дна. Какое же, однако, это дно! Одна зыбь, которую нужно укреплять бетоном.

Эта задача оказалась также нелегкой. Обнаружились песчаные ключи, куда бесследно исчезало громадное количество камня и бетона. Рабочие-ударники рисковали каждую минуту быть поглощенными в эти ключи. Но никто не думал уступить реке. Наконец, главная шахта оказалась сжатой в бетонном кольце, а по дну Вишеры были уложены бетонные трубы. Победа была одержана.

Монтаж отдельных объектов задерживался из-за неприбытия иностранных специалистов. Что же делать? Неужели ждать иностранцев? Так можно сорвать пуск комбината. И вот тут на смену выходят сами рабочие, которых после в шутку называли "русскими иностранцами". В древесном отделе бригада Борисова, изучив поступающее импортное оборудование, провела монтаж без иностранных специалистов. Овладевая техникой, изучая значение каждой детали, бригада Борисова сумела окончить монтаж даже на два дня раньше срока.

Таким же образом, собственными силами были смонтированы мембранные сортировки, роллы, сгустители, рубительные машины и т.п.

Приехавшие впоследствии немецкие специалисты признали работу вполне удовлетворительной.

А. РОГОЗИН. "КВ".

Памятник первостроителям Вишхимза.

ВИШЛАГ - ЛАГЕРЬ ПЕРЕКОВКИ

К проблеме становления ГУЛАГа

"Было опытным путем доказано, что принудительный труд при надлежащей его организации (без всяких поправок на обман и ложь в производственных рапортчиках) превосходит во всех отношениях труд добровольный".

Варлам Шаламов.

ОГПУ с 1922 г. имело один, но гигантский концлагерь (он зачастую именовался в их документах) - СЛОН - Соловецкий лагерь особого назначения. В отличие от заключенных колоний НКВД, заключенные СЛОНа осуждены были, как правило, не приговорами судов, а решением внесудебных органов - коллегией ОГПУ или тройками.

В 1926 г. концлагерь из Соловков выплеснулся на материк. В поселке Кемь на Беломорском побережье Карелии, где с начала создания лагеря находился его главный пересыльный пункт, было образовано второе отделение СЛОНа. В 1928 г. - третье и четвертое отделения: Усть-Цильма - на реке Печоре в Коми АССР и Зырянка - в Пермской области, на реке Вишере. СЛОН разросся в целую лагерную систему.

Вплоть до 1929 г. главными в лагерях оставались не производственные показатели. "Работа вовсе не спрашивалась, спрашивалась только выход, и вот за этот-то выход заключенные и получали свою пайку", - свидетельствовал В.Т.Шаламов, прибывший в апреле того года в Вишерское отделение СЛОНа.

"Кормили тогда по-особому. Еще никто не додумался сделать из пайки средства выколачивания плана - каждый получал один и тот же казенный паек, арестантскую пайку. Каждый имел право на восемьсот граммов хлеба, на приварок - каши, винегреты, супы с мясом, с рыбой, а то и без мяса и без рыбы по известным раскладкам на манер тюремных. Хлеб выдавался на каждый барак, и хлеборез барака резал пайки с вечера. И каждому клал на постель его пайку. В лагере никто не голодал. Тяжелых работ не было. На работе никто не понукал... Дневальные приносили к обеду в бачках суп и второе, и тот же хлеборез раздавал суп и кашу черпаком. Мясо было порезано на кусочки и выдавалось с весу... За работу не платили никаких денег, но ежемесячно составляли списки на "премию" - по усмотрению начальников - и по этим спискам давали два, три, редко пять рублей в месяц. Эти два рубля

выдавались лагерными бонами... Эти лагерные боны стоили гораздо выше, чем вольные деньги. В лагере был магазин, где можно было купить все, что угодно... Была в лагере и столовая "ресторанного типа", только для заключенных, где принимали деньги-боны. И где, например, порция ан-трекота стоила пятнадцать копеек... В лагере 1929 года было множество "обсосов", множество "продуктов", множество должностей, вовсе не нужных у хорошего хозяина. Но лагерь того времени не был хорошим хозяином".

В конце лета 1929 г. начальником управления ВИШХИМЗ - строительства Вишерских химических заводов, под которыми понимались стройки не только на реке Вишере, но и на Каме, - был назначен Э.П. Берзин.

Вскоре после приезда его на Вишеру отделение Вижаиха было выделено из СЛОНа и преобразовано в самостоятельный лагерь - Вишерский лагерь особого назначения (ВИШЛОН), начальником которого был назначен приехавший с Лубянки вместе с Берзиным И.Г. Филиппов. Главными объектами работ Вишерского лагеря были строительство целлюлозно-бумажного комбината и заготовка леса по реке Вишере как для нужд строительства, так и для обеспечения комбината древесиной для производства бумаги.

После реорганизации отделения в ВИШЛОН Берзин направил на Каму, где к тому времени из-за отсутствия необходимого количества рабочих рук забуксовало Березниковское химическое строительство, человек 50 заключенных закладывать производственное лагерное отделение. В состав этой группы попал и В.Т. Шаламов.

Дальнейшие события развивались головокружительно быстро и масштабно. В распоряжение Берзина стали прибывать один за другим эшелоны с заключенными. По впечатлению В.Т. Шаламова, тысячные этапы прибывали чуть ли не ежедневно. "Из всех этапов отбирались самые лучшие специалисты, и любой, кто работал плохо, вечером же включался в этап на Вижаиху, в управление, где строился бумкомбинат. Наше отделение имело право задерживать, оставлять у себя лучших работников, хотя и без "личного дела".

Эти "лучшие" "...всю зиму двадцать девятого - тридцатого года... "обживали" каменные коробки, воздвигнутые по вольному найму в Городе Света (Березниках - В.Ш.)... Размещаясь там на сырых досках-нарах, а

то и просто вповалку, тысячи, десятки тысяч людей строили Город Света, работали на комбинате и строили себе лагерь поближе - на Адамовой горе... Как только на Адамовой горе был построен лагерь, работяги строительства перешли жить туда".

Принимать новый лагерь летом 1930 г. прибыл из ОГПУ М.Д. Берман. "Лагерная зона, новенькая, "с иголочками", блестела. Каждая проволока колючая на солнце блестела, сияла, слепила глаза. Сорок барачков - соловецкий стандарт двадцатых годов, по двести пятьдесят мест в каждом на сплошных нарах в два этажа. Баня с асфальтовым полом на 600 шаек с горячей и холодной водой. Клуб с кинобудкой и большой сценой. Превосходная новенькая дезкамера. Конюшня на 300 лошадей... Колонны лагерного клуба чем-то напоминали Парфенон, но были страшнее Парфенона"...

Второй такой же лагерь был введен Берзиным на Вишере, при строительстве бумкомбината. Если к моменту прибытия В.Т. Шаламова в 1929 г. там было 8-10 барачков на 2000 человек, то вскоре их стало уже 44 - на 11 000 заключенных. Выросли отдельный сангородок, парк с беседками, открытой сценой, фонтаном и даже собственным зверинцем, радиузел и павильон-каток, свыше 20 производственных помещений, в числе которых были и типография, и часовая мастерская, и мыловарня с колбасной. Всего в лагере было свыше 200 построек, не считая вышек и вахт.

Не везде, конечно, было так. В верховьях той же Вишеры, где вскоре пришлось побывать В.Т. Шаламову, сохранялись многочисленные лесные командировки с цингой, обморожениями, саморубами и тайными казнями. (ВИШЛОН, хоть и назывался лагерем, был на деле целой системой лагерей, включающей в себя, кроме двух больших - на Вишере и в Березниках, - множество более мелких, которые назывались командировками). "Север был штрафным районом. "Загнать на Север" - было всегдашной, понятной всем формулой угрозы начальства".

7 апреля 1930 г. СНК СССР принял "Положение об исправительно-трудовых лагерях". 25 апреля приказом по ОГПУ № 130/63 в его составе было организовано новое подразделение - УЛАГ (Управление лагерями) ОГПУ, начальником которого был назначен бывший начальник СЛОНа - Эйхманс.

Лагеря особого назначения ОГПУ были переименованы в исправительно-трудовые. ВИШЛОН стал назы-

ваться Вишлагом или Вишерским ИТЛ - исправительно-трудовым лагерем. Менялось не только название. Менялась лагерная концепция. Лагерь должны были превратиться из "плохих" хозяев в "хороших".

В "яслях" нового порядка, в Вишлаг, под рукой Берзина в это время было и не то еще. "...Вольная столовая была хуже лагерной, - вспоминал В.Т. Шаламов. - Лагерников и одедали лучше. Ведь на работу не выпускали раздетых и разутых. Даже случайно... Это привело к конфликту, зависти, жалобам. Я много встречал потом ссыльных, а то и просто вербованных работяг, бежавших из Березников из-за плохих условий быта. Все они вспоминали одно и то же: "раскормленные рожи лагерных работяг"...

В дореволюционной России суточный рацион арестанта и каторжника (политические и некоторые другие другие тюремные заключенные в начале XX века имели особые, увеличенные нормы) был аналогичен солдатскому, а пайка составляла 2 фунта хлеба. Приварок включал в себя 890 г (150 золотников) мяса, свыше 3 кг вермишели, круп или гороха в неделю.

На Березниковском химстрое заключенный Шаламов имел пропуск в ресторан для иностранцев, в большом количестве приехавших на строительство комбината. Получил он его, конечно, не за трудовые доблести, а "по благу". Но сам факт существования подобного пропуска весьма показательен для той эпохи.

Но эпоха эта длилась недолго. Очень скоро дифференцированный паек эволюционировал в смертельную "шкалу питания", обрекшую на гибель миллионы заключенных.

В феврале 1928 г. особое постановление ВЦИК и СНК РСФСР ограничило досрочное освобождение "классовых врагов" лишь "исключительными случаями".

И вначале, во всяком случае, в "опытном хозяйстве перековки" Вишлага, механизм работал: "Выработка заключенных была гораздо выше, чем у вольнонаемных... Бригадиров, чьи бригады не выполняли 130%, не держали ни одного дня на строительстве".

Опыт Вишлага, "опытного хозяйства перековки", и Берзина, в масштабе "отдельно взятого" лагеря и стройки, удался на славу. На славу Берзина. Березниковское строительство из прорыва было вытасчено, Вишерский бумкомбинат имени т. Менжинского пущен. Правда, после выполнения основных объемов работ десятки тысяч заключенных остались без дела. Уже в 1933 г. Вишлаг стал сворачиваться, а летом 1934 г. был ликвидирован полностью. Заключенные были переведены в Мордовию, в Темниковский ИТЛ. Только что пост-

роенные Березниковский и Вишерский лагеря брошены.

Берзин еще до этого, в 1932 г., был направлен на Колыму, где основал Магадан - столицу печально знаменитой лагерной империи; Дальстрой - организацию, построившую руками заключенных в районах вечной мерзлоты десятки приисков, рудников и обогатительных фабрик; СВИТЛ (северо-восточный исправительно-трудовой лагерь). Смертельные лагеря Колымы обеспечивали функционирование Дальстроя и добычу колымского золота.

Перестройка лагерной системы начала 30-х гг. затрагивала не только паек, режим, организацию работ. К ней вынуждены были приспособляться и те, кто находился по другую сторону колючей проволоки. Показательна эволюция Р.И. Васькова, который начинал свою лагерную службу с основания СЛОН, с 1922 г.

В первой половине 20-х гг. он занимал поочередно должности начальника следственной и административной части СЛОНа, являясь заместителем сначала Эйхманса, а затем Ногтева, отличался особой жестокостью и даже свирепостью по отношению к заключенным. "Звероподобный" Васьков, "человек-горилла" - так единодушно характеризуют его в своих воспоминаниях солдаты до 1927 г. Позднее, когда его уже не было на островах, о Васькове ходили легенды среди заключенных.

Осенью 1930 г. Васьков был назначен начальником УРО Вишлага. В непосредственном подчинении у него оказался В.Т. Шаламов, оставивший почти лестную характеристику: "Васьков был красный, плотный, подвижный человек, с высоким звенящим тенором - признанием великого оратора вроде Жореса или Зиновьева. Оратор был Васьков никакой. К заключенным он относился неплохо - большого начальника из себя не строил. Мучился он катаром желудка, кабинет был весь наполнен бутылками какой-то минеральной воды... Человек он был суждений самостоятельных, не глядел в рот ни Берзину, ни Филиппову..."

Уехав с Берзиным на Колыму и получив назначение на должность сначала начальника центрального лагеря в Магадане, а потом и всего СВИТЛа, Васьков вернулся к своей первоначальной роли - жестокого "хозяина зоны". Он снова стал персонажем новых, уже колымских легенд. Магаданская тюрьма до сих пор называется - "дом Васькова".

ГУЛАГ крепчал, ГУЛАГ мужал. Летом 1934 г. вместо ГУЛАГ ОГПУ был создан ГУЛАГ НКВД СССР, вобравший в себя все лагеря страны, превратившийся в значимый хозяйственный

субъект государства. Государства, занимавшего одну шестую часть суши Земли...

"Лагерь - его устройство - есть величина эмпирическая. То совершенство, которое было встречено мной на Колыме, не было продуктом чьего-то гениально злого ума - все создавалось мало-помалу. Копилась опыт", - заметил В.Т. Шаламов.

Система эксплуатации ГУЛАГа складывалась и "совершенствовалась" (действительно же совершенствовалась, но трудно не закавычить это слово в данном контексте) в течение многих лет трудами миллионов людей: от генералов НКВД до последних "доходяг", опытным путем - жизнью своею - определявших минимальный размер пайки.

"Хозяйская" система эксплуатации заключенных "совершенствовалась" непрерывно все то время, пока существовал ГУЛАГ. Цель - максимальная отдача при минимальных вложениях, - обычная цель любого предприятия, в ГУЛАГе не могла не эволюционировать от идеи "большой пайки" и "густой баланды" к идее "минимальной пайки" при "максимальной работе", к оптимальному соотношению "минимальной пайки" и "максимальной работы" через категории работоспособности и лимиты использования...

Нужно было только время, поскольку соотношение это нельзя было рассчитать теоретически, да и в разных конкретных случаях, зависящих от многих субъективных факторов, оно было различным.

Голодную пайку и непосильную работу ГУЛАГа конца 30-х гг. определяли не столько злая воля лагерного начальства и "нужда общенародная в продуктах", сколько естественная логика развития той идеи, которая привела осенью 1929 г. Берзина на Вишеру.

Осенью 1929 г. от Вишлага, от лагеря на Адамовой горе вблизи Березников, только-только начался долгий путь к Серпантинке, прииску "Партизан", каторжным лагерям и Особлагам МГБ СССР...

Наверное, самый страшный путь в истории человечества. Путь убийства, растления и деградации многих миллионов душ...

"Годы террора", книга памяти жертв политических репрессий, 1998 г., г. Пермь, издательство "Здравствуй". Виктор ШМЫРОВ, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Пермского государственного педагогического университета, директор Мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР.

ТЕМА ВИШЕРЫ

В "Колымских рассказах" В. Шаламова

Среди "Колымских рассказов" встречаются такие, в которых изображены некоторые события и факты вишерского срока заключения В. Шаламова. После 20 лет тюрьмы, лагерей и ссылок писатель не был уверен, что успеет рассказать о страшной трагедии советского народа в эпоху тоталитарного режима. Для него самого этот гнет не спадал до последних дней жизни.

Обращение к рассказам, предшествовавшим антироману, поможет полнее представить историю района начала 30-х годов XX в.

В рассказе "ПЕРВЫЙ ЗУБ" читаем: *"Под крики команд этап вышел за олицу Соликамска и двинулся в низину. Небо было синее-синее... Солнце жгло, ветер охлаждал наши лица - они становились коричневыми к первой же ночевке в пути. Ночевка этага, подготовленная заранее, проходила всегда по установленной форме. Для арестантской ночевки у крестьян снимали две избы - одна почище, другая - победнее - нечто вроде сарая, да иногда и сарай... Каждый вечер в сумерках всех пропускали мимо начальника конвоя, который взмахом руки показывал, где очередной арестант должен провести очередную ночь... Вся "пятьдесят восьмая" была вместе, и "тридцать пятая" также..."*

Шаламов шел в апреле 1929 года. Двумя годами позже по этому же пути был доставлен на Вишеру Филипп Дмитриевич Шишкин. В блокнотике он записал название мест ночёвок: деревни Верхнее Мошево, Татарское, Губдор, командировка Чернушка.

Мы знаем, что такое деревенская изба. Трудно представить, как в такой избе можно было разместить до 100 арестантов. Филипп Дмитриевич указывает, что еду выдавали только один раз - перед ночёвкой. Иногда это была селедка и хлеб, иногда - только кипяток. Зато побоев от пьяных конвоиров получали сколько угодно. Именно здесь Шаламов попытался вступить за избиваемого Петра Заяца. Ночью его выставили за это раздетым на мороз:

"-Вставай в снег!

Я посмотрел на крыльцо и увидел две наведенные на меня винтовки... Утром этап вышел в путь... Петр Заяц стоял в рядах, его не били..."

Зимой проходили за день 22-25 километров. Летом заключенных доставляли по воде. За три года Шаламов не раз проходил и проплывал от Вишеры до Березников и обратно.

В рассказе "ЭХО В ГОРАХ" есть описание лагерного барака. В учетном отделе заключенных никак не могли подобрать из делопроизводителей старшего, ведавшего делами освобождения. Такой человек был доставлен спецконвоем с Соловков. Дело было ночью, и вновь прибывшего отвели в общий барак.

"В общем бараке с двойными нарами было тесно и душно, несмотря на раскрытые настежь двери с обеих концов дома. Деревянный пол был посыпан опилками, и дежурный, сидевший при входе, разглядывал в свете семилинейной керосиновой лампы прыгающих в опилках блох. Время от времени, послонив палец, дежурный пускался на поиски стремительных насекомых. В этом бараке и было отведено место приезжому. Дежурный сделал неопределенный жест рукой, показывая в темный и вонючий угол, где вповалку спали одетые люди и где не было места не только человеку, но и для кошки."

Но приезжий спокойно натянул шапку на уши и, положив свои костыли на длинный обеденный стол, взобрался на спящих людей сверху, лег и закрыл глаза, не делая ни одного движения. Силой собственной тяжести он продавил себе место в других телах... Нащупав локтем и бедром доски нар, приезжий расслабил мускулы тела и заснул..."

Что позже стало с такими бараками, известно. Их перепланировали, сложили печи, заселили новыми жильцами (спецпереселенцами). Многие прожили здесь не один десяток лет.

Такого поэтического описания природы, как в рассказе "АЛМАЗНАЯ КАРТА", мы не встретим больше ни в каких произведениях В. Шаламова.

"В тридцать первом году на Вишере были часты грозы. Прямые короткие молнии рубили небо, как мечи. Кольчуга дождя сверкала и звенела, скалы были похожи на руины замка."

- Средние века, - сказал Вилемсон, прыгивая с лошади. - Челноки, кони, камни... Отдохнем у Робин Гуда."

Могучее двуногое дерево стояло на пригорке. Ветер и старость сорвали кору со стволов двух сросшихся тополей - босой гигант в коротких штанах был и впрямь похож на шотландского героя. Робин Гуд шумел и размахивал руками"

В то время В. Шаламов был уже "маленьким начальником" в лагере. Ему было разрешено сопровождать руково-

дителя геологической партии до тех мест, где 20 лет назад была Бельгийская железорудная концессия. Рассказ заканчивается так: *"Иван Степанович не отдал алмазной карты. Алмазы на Вишере нашли только через тридцать лет"*.

В то время, как у нас начали добывать алмазы, Шаламов уже жил в Москве. Значит, он следил за тем, что происходит на месте его первого лагерного срока. Он мог бы и побывать здесь. Увидел бы те же бараки, те же двухэтажные дома... Новым был только Дом культуры бумажников. Шаламов-то помнил Вишеру и писал о ней. На Вишере же о нем ничего не знали.

Зато в Красновишерске знали о Берзине, и первую улицу в каменном исполнении назвали его именем, на юбилей приглашали его родственников, присвоили ему звание Почетного гражданина города.

Э.П. Берзину, времени ВишЛОНА, В.Шаламов много внимания уделил в рассказе "У СТРЕМЕНИ". *"Отправляясь на стройку, уже в седле Берзин выслушивал просьбы и жалобы. Терпенья у него хватало только на десять человек. И если в очередной раз заключенных было больше хотя бы на одного, последний уходил ни с чем."* Именно в этом рассказе жесткий вывод - Берзин презирал людей.

Из этого же рассказа мы можем составить список лесных командировок, объединенных названием Север: Кутим, Усть-Улс, Велс, Вая, Пеля, Мыка, Ветрянка. Севером грозили в Управлении, грозили в Березниках. С грозного Севера время от времени приползали этапы отработавшихся. Страшное зрелище!

Вдумайтесь в такую цитату: "Сталин убил Берзина. Около государственной тайны (заговор Локкарта - Н.Д.) слишком горячо людям, даже с такой холодной кровью, как у Берзина" (т.2, стр.249).

Наших читателей интересует прежде всего антироман "Вишера". Не прочитав "Колымских рассказов", "Четвертую Вологду", стихи (т. 3), переписку, эссе, трудно будет оценить жизненный и писательский подвиг В.Т. Шаламова. Надо же понять, почему его произведения "замалчивались" при жизни. И ещё многие годы не читались. Например, "ЛЕВЫЙ БЕРЕГ", напечатанный в 1989 году тиражом 200 000 экземпляров, "растворился" в просторах СССР. До нас дошло экземпляра три.

НИНА ДЮКОВА.

ВСТРЕЧИ С ШАЛАМОВЫМ

Подходит время изучения периода в истории нашей страны, который принято называть "Период репрессий 30-х годов", и невольно перед глазами встают десятки знакомых и близких людей, с которыми прожил на Вишере, и о судьбе которых предстоит рассказать молодым, не знающим страха перед властью подросткам о том далеком в их понимании времени.

Мне повезло в этом смысле, все свое детство и отрочество я прожил среди людей, так или иначе имеющих отношение к тому страшному времени в истории страны, и участниками которого были мои знакомые, знакомые моей семьи.

Гораздо проще стало вести разговор на эту тему с выходом сначала в периодической печати, а затем уже отдельными изданиями произведений В.Т. Шаламова: его знаменитого рассказа "Хан Гирей" и антиромана "Вишера". Знакомые названия кричали с каждой строчки этих произведений, я ходил по местам героев антиромана и рассказа "Хан Гирей", ощущая себя невольным участником или свидетелем тех событий, тем более, о многом, тайком рассказанном на кухне и при строгом запрете взрослых не говорить это на улице, уже узнал раньше.

Я часто повторяю "моя Вишера", "мой сельхоз", там я впервые узнал, что люди, отсидевшие в тюрьмах - это не злодеи и разбойники с теле- и киноэкрана, а очень, очень порядочные люди. Грамотные, начитанные, а порой просто разбирающиеся в жизни, проводящие четкую грань между добром и злом люди, учившие нас, пацанов, поступать именно так. Сельхоз моего детства - это полный интернационал. Люди, прошедшие и пережившие все круги Дантового ада. Да что сельхоз, и пристань, и Бараний Лог, и Автобаза - это мои университеты по истории страны периода репрессий 20-40 годов. Казачество Дона и Кубани, немцы Поволжья, крымские татары, жители Тюмени, Челябинска, Кургана, высланные с Ныроба и Губдора, Покчи и Камгорта - кого только не было в истории моей малой Родины, и все это раскрылось в полном объеме только с выходом в свет произведений В.Т. Шаламова.

Сегодня на уроках я часто цитирую то, что врезалось в детскую память с тех далеких времен. Это рассказы А.В. Капской и А. А. Завьяловой и ее супруга К.Г. Гагаси. Вспоминаю семьи Фальковских, Топольских, Аппазовых, Радовых, Мандражиевых, Бузиных, Эйхельберг, Вартановых, Галенко,

Бардаковых и многих других, с кем столкнула меня жизнь в детстве и отрочестве. Поражаешься тому, как не ожесточились они, пройдя все в этой жизни, и продолжали оставаться добрыми, хозяйственными людьми.

Вот на этом, как принято называть, местном материале ведется преподавание истории Отечества в нашей школе, и обязательно как исторический документ используются произведения Варлама Шаламова, доказывающего, что мощь страны была построена руками репрессированных и заключенных.

Поражаешься порой простому открытию или формуле, которые в истории не всегда приемлемы, но в данном случае очень подходят под рассматриваемую ситуацию: раскулаченный мужик лишился своего добра, на которое было приобретено оборудование для промышленности - это раз. Второе: он собственными руками строил заводы, спроектированные и оснащенные на его деньги. И, наконец, третье: он строил эти заводы бесплатно, как спецконтингент, согнанный волей государства на эти великие стройки века.

Вот в чем заключается великая правда индустриализации в нашей стране, именно он, раскулаченный и репрессированный мужик, создал накануне войны могучий щит Родины.

Как же реагирует сегодняшнее поколение на все происходящее тогда? Как ни странно (если учесть всю критику в адрес современной молодежи), вполне адекватно. С первых же уроков по этой теме я веду разговор о тех, у кого есть репрессированные родственники, и самое интересное состоит в том, что не было класса за все 15 лет моей работы, в котором не оказалось бы потомков репрессированных в те далекие годы. Я не делю их по времени репрессий, и все ребята ощущают себя единым целым, причастным к судьбе страны через судьбу своей семьи.

Антироман "Вишера" писался 40 лет спустя после происшедших событий, но, несмотря на это, антироман - один из немногих литературных источников, повествующих о прошлом нашего края, города и района. О судьбах людей, прошедших это чистилище вместе с писателем. Благодаря антироману и приведенным в нем сведениям наши ученики смогли воссоздать план всей лагерной зоны, которая сегодня используется на уроках как наглядное пособие о прошлом нашего города. Им трудно сегодня поверить в то, что на месте так называемого лагеря действительно существовал лагерь с заключенными, рассчитанный на 11 тысяч человек, им также трудно поверить в то, что за период существо-

вания лагеря через него прошло более 70 тысяч заключенных. Все это рассказывается на уроках истории, и как свидетельские показания звучат слова Варлама Шаламова о бараках, рассчитанных на 250 человек (так называемый Соловецкий стандарт), о перекровке исправительной системы. Заверожено они слушают рассказ "Хан Гирей" о городе-саде на правом берегу Вишеры, созданном опять же каторжным трудом заключенных. В унисон с Шаламовым звучали на уроках рассказы ребят о судьбе своих предков Н. Харламова, В. Карасько, К. Соболевой, А. Якушева, С. Шаганова, Е. Гилева, А. Судницына и многих других.

Продолжение изучения истории своей земли мы продолжаем летом. Вот уже в течение четырех лет профильный отряд, работающий при школе, посещает места, где когда-то находились поселки репрессированных и спецпереселенцев. С помощью нехитрого снаряжения ребята устанавливают памятные кресты на местах поселений или в местах массовых захоронений, если таковые удастся обнаружить. Здесь нам огромную помощь оказывают оставшиеся в живых свидетели той далекой и тревожной поры, которые помогают по крупицам собирать информацию о поселках и лагунках, о жителях, о национальной или территориальной принадлежности "спецконтингента". Их судьбы очень похожи на судьбу Варлама Шаламова. Попав первый раз в круговорот событий начала 30-х годов, многие из отбывавших срок и высланных на Вишеру прошли по второму кругу, попав под пресс репрессий 1937 - 1938 годов. Такова судьба, например, Григория Карповича Бондаренко.

Эпоха репрессий оставила на теле нашей страны незаживающий рубец. Он долго еще будет кровоточить воспоминаниями о прошлом. Геноцид своего народа - это страшная вещь, но несмотря ни на что, наш народ выжил.

Раскулачка, ссылка, голодуха тридцатых, бабы и коровы под борной в деревне, патриотизм тылового ада в годы войны, голодуха послевоенных лет - вот одна сторона медали, о которой приходится сегодня говорить на уроках истории, потому что раньше об этом молчали. Только в период гласности стали возможны достоверные разговоры и исследования о прошлом нашего края, особенно после выхода произведений Варлама Шаламова.

Игорь ЯКОВЛЕВ,
учитель истории высшей
категории школы № 4, Почетный
работник общего образования
Российской Федерации.

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВИШХИМЗА

Лесной сектор "Вишхимза" охватывает огромную площадь, представляет собою неисчерпаемую сырьевую базу, как для местных нужд, так и для экспорта на внутренний рынок. До прошлого года эксплуатация громадных богатств лесного массива Вишхимза проходила не достаточно рационально, имея главный упор на выполнение текущих плановых задач. Но уже с весны 1930 года дело эксплуатации богатств лесного массива коренным образом реорганизуется и становится на новые рельсы.

Особенно эффективные достижения наблюдаются под непосредственным руководством одного из авторитетнейших знатоков лесного дела в части рациональной эксплуатации лесных богатств Т. Колотилова, занимающего пост вридначлессектора "Вишхимза". Под его руководством лесной сектор сразу взял верную и экономически выдержанную линию рациональной эксплуатации лесного резерва.

Что же сделано в этой области за истекший год? Очень и очень многое. В первую голову, лесной сектор впервые поставил широкие опыты по искусственному лесовозобновлению на тех площадях, где уже нельзя рассчитывать на естественное возобновление.

С этой целью заложены специальные лесные питомники в 0,2 гектара, где засеяны семена сосны и лиственницы. Помимо этого посева, производятся опыты посева сосны на площадях в три гектара; результат и окончательный учет опыта будут произведены в конце лета. Кроме того, принимаются все меры к обеспечению комбината сеном. Для

этой цели в этом году намечена расчистка 1500 гектаров годных для сенокосения участков. Но, к сожалению, мы здесь наталкиваемся на узкое место - недостаток рабсилы, и, если лесосектор не будет обеспечен в полной мере рабсилой, вопрос о снабжении

сеном будет под угрозой срыва.

Теперь продемонстрируем несколько показательных цифр. Общая площадь массива Вишхимза охватывает почти миллион гектаров; стоимость нашего лесного хозяйства выражается в несколько сот миллионов рублей. А вот тоже ряд цифр, говорящих о том, что курс, взятый лесным сектором еще в прошлом году, - на максимальное использование лесосек, дал очень яркий эффект.

В 1928-29 годах вырублена лесная площадь в 16246 гектаров, причем один гектар дал в среднем 14 кубических метров древесины. В 1929-30 годах вырублено 13270 гектаров, с одного гектара получено 32 кубических метра древесины; и в 1930-31 годах вырублено всего 8986 гектаров, причем с одного гектара получено 70 кубических метров, а по отдельным дачам количество древесины с одного гектара достигало до 100 кубических метров. Лесной сектор все время ведет большие серьезные работы по увеличению и улучшению уже имеющихся дорог и транспортных средств.

Для этих целей имеется целая флотилия лодок, которая в дальнейшем будет значительно увеличена. Помимо этого, увеличивается число остальных транспортных средств: телег, возов, тарантасов и саней. Но главное внимание в целях улучшения местных путей сообщения уделяется дорожному строительству. Ведутся специальные изыскательные работы, которыми ведает дорожный отдел лесного сектора.

В заключение не мешает сказать, что лесной сектор сейчас в особенности озабочен созданием специальной научной библиотеки, снабженной учебными пособиями по всем вопросам лесного хозяйства. Соответствующей литературой предполагается снабдить все лес-

хозы, проталкивая таким образом книгу вглубь лесов.

Общий план работ на следующий 1932-й год сильно расширен. Намечен ряд новых лесомелиоративных изысканий с целью осушки заболоченных лесных площадей как реальной пред-

посылки к переводу менее ценных насаждений в разряд наиболее ценных.

Опираясь на совершенно точные и научные установки, можно с уверенностью сказать, что в ближайшие десятки лет наше лесное "Вишхимзовское" хозяйство утроит свою рентабельность и займет одно из почетных мест в экономике Советского Союза.

Газета "Темп", 1932 год.

ШОССЕ В ГЛУШИ ТАЙГИ

В 1931-32 годах согласно плана, разработанного инженерами лесосектора, спроектирована постройка 460 километров образцовых шоссеных дорог, которые свяжут все наши командировки и вообще населенные пункты, разбросанные на территории свыше миллиона га. Крайним пунктом, куда протянется шоссе, является Велье, общая же сеть дорог прорезает Акчим, Усть-Ульс, Щугорь, Колчим, Магистраль и т. д. вплоть до Вишхимза.

В текущем 1931 году ударным темпом развернулись изыскательные работы, которые предполагалось закончить к 1-му октября, но возможно, что на некоторых участках строительства работы от ряда местных условий затянутся и несколько дольше.

Изыскательные работы выполняются тремя дорожно-изыскательскими партиями, руководимыми опытными инженерами и техниками. Численность каждой дорожной партии достигает 25-35 человек, причем отдельная партия имеет точное задание провести изыскание на определенное количество километров по заранее разработанному маршруту.

ЛЕСНАЯ ЖИЗНЬ

Жизнь дорожного таборника не лишена величавой поэзии. Каждый километр проникновения в лесную чащу - это итог тяжелого труда. Часто результатом целого ряда интенсивнейшей работы получается лишь один километр будущего массива. Лесной массив Вишхимза в высшей степени тяжелый, капризный рельеф, и на каждом шагу строитель наталкивается на непредвиденное затруднение, которое часто заставляет сворачивать с намеченного пути и делать всевозможные обходы. Глубокие овраги, огромные круги или отвесные высокие скалы, сплошь заболоченное пространство лесной глуши, огромная захламленность леса - все это создает лесным пионерам ряд тяжелых условий, часто с огромным трудом преодолеваемых препятствий.

Партии живут в больших брезентовых палатках, пища варится на открытом воздухе, в специальных походных котлах. Обыкновенно повара партий уже ночью принимаются за варку, ибо партии просыпаются рано и, плотно подкрепившись пищей, вооружившись топорами, пилами и всеми необходимыми инструментами, в 7 часов утра бодро пускаются в дебри на штурм лесной тайги.

НЕМНОГО ЭКОНОМИКИ

От нашей большой командировки Усть-Говоруха до Магистралли проходит единственная дорога приблизительно на 27-30 километров. Чтобы одолеть это сравнительно небольшое пространство, требуется 8-10 часов, а эта дорога по местным понятиям относится к опасным, и в большинстве случаев приходится прибегать к вьючному способу транспорта.

При таких условиях, чтобы перевезти одну тонну товара на 25-30 километров нужно мобилизовать 15-20 лошадей и 8-10 проводников, а это займет не меньше двух суток, то есть, стоимость провоза этой тонны составит 100 рублей. При хорошем оборудовании шоссе перевозка этой тонны потребует всего двух лошадей и одного проводника и вызовет затрату времени не более 9-10 часов, то есть, обойдется около 10 рублей.

Сократив расстояния, мы быстро перебросим культуру в самые отдаленные уголки дикой тайги.

Параллельно с дорогами проектируется развитие телефонной связи, а когда телефоны свяжут все уголки лесных дебрей, - это уже начало общей культуры края, столь богатого своими природными запасами.

Газета "Темп",
1932 год.

ДАТЬ СТРАНЕ ДЕШЕВЫЙ ЛЕС

УДАРНИЧЕСТВОМ И СОЦСОРЕВНОВАНИЕМ РАЗРЕШИТЬ ЗАДАНИЯ ПЛАНА 1932 ГОДА

Так решили на производственной конференции представители лесорубов Красновишерского лесозаготовительного района.

21 октября закончила свою работу трехдневная производственная конференция Красновишерского района. Конференция обсудила и вынесла свои решения по ряду важнейших вопросов: о значении лесозаготовок для Союза, о результатах работ Северного и Красновишерского районов в 1931 году, о производственном плане на предстоящий год, о планирова-

нии, учете, строительстве, бригадном методе работы, о переходе на хозрасчет, культуре и пр.

ВСКРЫТЫ НЕДОЧЕТЫ

С живым интересом конференция заслушала доклад о выполнении плана за 1931 год и отметила, что истекший год дал вполне удовлетворительные результаты. Недочеты прошлых лет по разделке и использованию древесины в лесосеках в 1931 году были изжиты.

К числу недостатков, выявленных конференцией, необходимо отнести все еще остающиеся недорубы мелких лесонасаждений от 12 сантиметров в диаметре, особенно ценных для бумажно-целлюлозной промышленности.

В отношении сплава конференция решила, что задержка леса в притоках р. Вишера до прогона леса с Севера нецелесообразна, и в будущем основная масса заготовленной древесины должна быть сплавлена с притоков в период весеннего подъема воды.

Конференция уделила серьезное внимание также вопросу о невыполнении плана лесозаготовок в летнее время.

ВЫПОЛНИТЬ НОРМЫ УРАЛЛЕСА

Конференция находит, что нормы 1931 года безусловно выполнимы. Необходимо только быстрее проведение бригадного метода, своевременная подача инструмента и, главное, хорошее его качество.

В частности, невыполнение норм за 1931 год конференция относит за счет того, что Красновишерский район был поздно организован, из-за чего места не имели вовремя инструмента, а, главное, царила обезличка и уравниловка. Все это в корне подрывало производительность труда.

На ряде примеров конференция демонстрирует, что в этом году нормы местами уже выполняются, как, например, на Парме, и что в дальнейшем нет оснований ждать снижения норм. Наоборот, они даже могут дать некоторое увеличение.

ПРИНЯТА В КАЧЕСТВЕ ОСНОВНОЙ СЛЕДУЮЩАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ

Сознавая важнейшее значение лесозаготовок для усилия экспортного фонда, выполнение строительного баланса страны и создания сырьевых ресурсов для целлюлозно-бумажной и лесохимической промышленности, конференция считает своим твердым политическим обязательством приложить все усилия к тому, чтобы в 1932 году не только выполнить, но и перевыполнить план.

На основе полного охвата рабочих соцсоревнованием и ударничеством, на основе повышения качества продукции, увеличения производительности труда, бережного хранения инструмента добиться наибольшего снижения себестоимости продукции.

Газета "Темп", 1931 год.

Подлежит к сплаву	Свалено
Северный район	
Н. Паниха	13760 3750
Велс	27522 3260
Дыроватиха	1600 5000
Елма	15400 5200
Улс	36780 22149
Вая	6000 3000
Акчим	75710 45077
ИТОГО	191182 87436
Красновишерский район	
Щугор	70000 70000
Колчим	17800 17800
Говоруха	78000 64000
Петруниха	5000 5000
Романиха	500 500
Вижаиха	30090 30090
ИТОГО	201390 197390
ВСЕГО	392572 274826

СТРОИТЕЛЬСТВО

Из фонда

1930 год. Здание конторы Управления строительством ВИШХИМЗ.

14. 8 30г. Сн. на крыше зала бумажных машин.

14.10.1930 год. На крыше зала бумажных машин.

БУМКОМБИНАТА

архива

4.07.1931 год. Кислотный отдел.

28.07.1931 год. Штабеля лесной биржи.

ДЕТИ МИКРОРАЙОНА "ЛАГЕРЬ"

Жизнь Леонида Александровича ЭГГИ была короткой, но насыщенной, содержательной. Его босоногое детство прошло на Вишере, на берегах р. Вижаиха. Рабочие университеты по-

лучал в крупных городах. К своему полувековому юбилею стал депутатом Горсовета г. Одесса, возглавил городскую коммунальную службу. Стал известным в стране правозащитником. Несмотря на свою повседневную загруженность, он часто приезжал на Вишеру, навещал проживающих в бараке на берегу Вижаихи сестру и родителей. Сегодня Леонида нет среди нас, но память о нем живет.

Екатерина Максимовна ВИДУКОВА - личность известная на Вишере. Ее детские годы прошли в "Сангородке".

Закончила среднюю школу №1, пединститут, преподавала в родной школе, руководила ее

педколлективом, заведовала отделом районного комитета КПСС.

Человек инициативный, творческий - она всегда была в гуще событий. Она умела слушать и слышать людей и этим завоевала главное - уважение земляков, людей, ради которых она работала, в кругу которых живет сейчас.

Софья Ивановна РОСТОВСКАЯ (РУДЕНКО) после завершения учебы в средней школе №1 поступила в Соликамское медицинское училище.

В 1969 году в микрорайоне "Лагерь" появился новый участковый фельдшер - Соня Руденко. Девушке не надо было знакомиться с людьми, населяющими этот микрорайон - ведь она выросла здесь, знала каждый переулок, каждый дом, многих жителей.

В 1982 году на нее возложили обязанности врача-невропатолога, в этой должности и трудится Софья Ивановна (дочь репрессированного И.А. Руденко) по сей день.

Александр Васильевич БРАЖНИКОВ - комсомольский работник, заместитель редактора газеты "Красная Вишера" (8 лет), редактор газеты (20 лет). Заместитель редактора газеты "Заря коммунизма" Чукотского района Магаданской области (5 лет).

Краевед - летописец Вишеры, удостоенный за цикл буклетов, посвященных трудовым коллективам и людям Вишеры, медали "В ознаменование 100-летия писателя М.А. Шолохова", Благодарственного письма губернатора области. Александр Васильевич Бражников - тоже "выходец" из микрорайона "Лагерь". Здесь, на улице 1-я Максима Горького, прошли его детство, отрочество, юность.

Григорий Григорьевич РОСТОВСКИЙ - дипломат, после 33 лет дипломатической службы в Министерстве иностранных дел России перешел на работу в Торгово-промышленную палату

РФ, где возглавлял самостоятельное направление по реализации межправительственных соглашений между Россией и рядом европейских стран по облегчению визового режима для представителей деловых кругов.

Как дипломат, Г.Г. Ростовский имеет большой опыт работы за рубежом, дважды находился в длительных служебных командировках в Болгарии.

Владеет французским, английским, болгарским, турецким языками.

Детские и юношеские годы Г. Ростовского также пришлись на "Лагерь".

Леонид Владимирович ЛЕЛОВ родился 1 октября 1950 года. Учился в МОУ СОШ № 1 с 1 по 10 класс, и в 1968 году закончил школу с серебряной медалью и поступил в Томский го-

сударственный университет на физико-математический факультет. В 1973 году закончил его. Долгое время работал в Томском государственном медицинском институте, преподавал математику. В настоящее время

работает у нефтяников Вишеры. Женат, имеет двоих детей. Дочь закончила этот же университет.

Нина Васильевна ЯЗЕВА. Родилась в 1933 году в семье спецпереселенцев. В Красновишерск с родителями и двумя сестрами прибыла в 1937 году. В микрорайоне "Лагерь" прожила 26 лет. Закончила Пермское педучилище и Пермский пединститут. Работала учителем начальных классов, учителем русского языка и литературы. Была завучем по начальным классам в школе №1. Пользуется большим уважением учащихся и коллег. Награждена знаком "Отличник народного просвещения РСФСР".

Юрий Иванович АСЛАНЬЯН - журналист, поэт, прозаик. Член Союза российских писателей с 1992 г. Родился 5 февраля 1955 г. в городе Красновишерск Пермской области.

Литературным творчеством начал заниматься в пятнадцать лет. Писал стихи, пробовал писать прозу. В 1980 г. окончил филологический факультет Пермского государственного университета. До перестройки нигде не публиковался.

Участвовал в работе таких творческих групп как "Времири", "Политбюро".

С начала 1980-х работает корреспондентом "Молодой гвардии", "Пермских новостей", "Профсоюзного курьера" и др.

Ю.И. Асланьян - лауреат нескольких журналистских конкурсов, в том числе всероссийского конкурса "Белый медведь".

Публиковался в литературно-художественных альманахах "Третья Пермь" (1999) и "Лабиринт" (2000). Был в числе авторов коллективных сборников "«Опера» идут по следу" (Книга о пермской милиции) и "Годы террора" (Книга памяти жертв политических репрессий).

В 2006 г. опубликован роман-расследование "Территория бога", повествующий о событиях, произошедших в заповеднике "Вишерский" в конце 90-х годов.

В настоящее время основное внимание уделяет прозе.

МОЁ ОТКРЫТИЕ ШАЛАМОВА

Как бы я ответила на вопрос, когда я открыла для себя Шаламова? Пожалуй, вот так: люблю людей одухотворенных, увлеченных, для которых мир заключается не только в четырех стенах квартиры, а много шире - в служении обществу.

Одной из таких личностей является для меня Нина Анисимовна Дюкова. Последние годы жизнь свела нас ближе. На очередной встрече, посвященной памяти репрессированных земляков, она очень заинтересованно говорила о творчестве Варлама Шаламова, который 17 лет провел в сталинских лагерях и часть из них - в Вишералаге.

От имени участников нашего собрания мы тогда обратились к руководству города и района с предложением о проведении мероприятий в честь 100-летия писателя.

Лично я решила перечитать антироман "Вишера", помещенный в хорошо оформленном шеститомном издании сочинений Шаламова.

Как и в "Колымских рассказах", события, отраженные в антиромане "Вишера" - это повествование о мужестве и достоинстве одних людей, о падении других. С возрастом описываемые события воспринимаются острее, с большим пониманием того, что испытало поколение наших родителей.

Именно благодаря Шаламову ко мне пришло осознание того, насколько сложной была жизнь и моего отца, вместе с семьей в 1931 году сосланного из Белоруссии, а в 1938 году арестованного в п. Котомыш и прошедшего Караганду и Беломорканал.

С волнением перечитываю постановление военного трибунала от 3.07.1956 года о прекращении дела и реабилитации Квитинского А.В. в связи с отсутствием в его действиях со-

става преступления. Такой же жизнью в аду были 10 лет безвинно арестованного моего свекра Г.К. Бондаренко, по этапу прошедшего лагеря Кирова, Караганды и Воркуты.

Они, как и Шаламов, - среди немногих из миллионов выжили, пройдя даже больше, чем "огонь, воду и медные трубы".

Читая Шаламова, возвращаясь к реалиям жизни 20-50-х годов, передо мною все острее встает вопрос: по какому же праву власть предержавшие унижали морально и физически миллионы своих же сограждан?

И рождается ответ: нельзя быть бездумным, слепым исполнителем всего и вся... А также напрашивается вывод: этого ни в коем случае не должно повториться.

Сегодня радуется то, что мы говорим о демократии (но и в сегодняшней жизни есть примеры, когда грубо попираются права человека: право на труд, на зарплату, социальные гарантии). Нам нужны люди думающие, неравнодушные, с активной жизненной позицией.

После прочтения произведений В. Шаламова проникаюсь я еще большей благодарностью, уважением и признательностью к тем, кто, как работники мемориального центра "Пермь-36" или издатели данного буклета, сохраняют для потомков, для истории память.

Спасибо за тяжелую правду о непростом историческом периоде нашей Родины писателю, поэту, гражданину Варламу Тихоновичу Шаламову.

Мария БОНДАРЕНКО,
г. Красновишерск.
* * *

Мое открытие произведений В.Т. Шаламова произошло чисто случайно, и, прежде всего, связано с моей профессиональной деятельностью.

Министерство связи и информатизации России, журнал "Огонек", книжный клуб "Терра" и ФГУП "Почта России" представили совместный проект "Народная библиотека "Огонька". С целью выполнения доведенных ФГУП плановых заданий по данному проекту, я вышла с предложениями принять участие в подписке на предприятия города и района, в том числе и на администрацию района. Первоначально никакой реакции со стороны администрации не последовало. После объявления Земским Собранием района 2007 года "Годом Шаламова" была проведена дополнительная работа по привлечению клиентов к подписке на издание В.Т. Шаламова.

Я приняла участие в мероприятии, которое организовала Н.А. Дюкова в центральной библиотеке. Я была потрясена услышанным на этом мероприятии. Воспоминания людей, живших в то время - это воспоминания детства. Независимо от времени, в каком они жили, их воспоминания поразили своей добротой, а их нежные отзывы о людях, с которыми их свела судьба - своей жизненностью, правдивостью. Особенно запомнились рассказы Е.М. Видюковой, Н.А. Дюковой. По их словам, всю историю образования нашего города отобразил в своем романе Шаламов. К сожалению, всех его произведений я пока не прочла, но все еще впереди. Мое мнение - люди должны знать о своем крае, чтобы не было различных казусов, вроде целебной вишерской воды, взятой с мест захоронения людей, размещения питейных заведений на священных местах.

Елена СУЧЕНИНОВА,
начальник Красновишерского почтамта.

В ТЕСНОЙ СВЯЗИ С ЖИЗНЬЮ

Конференция на тему "Биография и творчество Варлама Тихоновича Шаламова" прошла 20 февраля в 11-х классах средней школы №1. Докладчиками выступили ветераны педагогического труда Н.А. Дюкова, Е.М. Видюкова, библиотекарка детской библиотеки О.В. Хохлова.

С аналогичной повесткой дня прошли информационные встречи в 9 "б" и 9 "в" классах, организатором этого мероприятия была преподаватель А.П. Старкова.

В мае пройдет общешкольная, совместно с родителями учащихся конференция "Родники памяти", посвященная столетию со дня рождения В.Т. Шаламова. Преподаватель М.А. Алиева проведет для учащихся 10-11 классов просмотр и обсуждение видеоматериалов по итогам недавно состоявшейся поездки делегации общественников нашего района в лагерь политических заключенных "Пермь-36".

Раиса СОБЯНИНА, зам. директора школы №1.

***
Творчество В.Т. Шаламова мы изучаем уже более десяти лет. Знакомим учащихся с биографией писателя, рассказываем о тоталитарном режиме 30-50-х годов, о ГУЛАГе, о лагерях Вишеры, истории Вишбумкомбината. Проводим уроки внеклассного чтения стихов и прозы писателя, знакомим с библиографической реабилитацией Варлама Тихоновича.

Ребята изучали и анализировали цикл "Колымских рассказов", антироман "Вишера". Результатом этой работы стало написание сочинений и составление отзывов о прочитанных произведениях. Все мероприятия тесно увязываем с историей Вишерского края.

Людмила БОНДАРЕНКО, преподаватель русского языка и литературы школы №8.

2007 ГОД - ГОД В.Т. ШАЛАМОВА НА ВИШЕРЕ

2007 год, год 100-летнего юбилея всемирно известного писателя Варлама Тихоновича Шаламова объявлен в нашем районе Годом Шаламова (с 1931 по 1934 гг. писатель отбывал срок в "ВИШЛАГЕ").

В библиотеке-филиале №21 им. И.В. Зырянова в течение всего года проводятся "Шаламовские чтения", открытие которых прошло 28 февраля презентацией выставок "Я должен жить, хотя я дважды умер" (о жизни и творчестве писателя) и "В.Т. Шаламов глазами скульптора" (выставка фотографий скульптурных работ Р.Б. Веденева, посвященных В. Шаламову). У этих выставок постоянно проводятся беседы с читателями.

22 марта для учащихся 11 класса школы №4 провели вечер "Последний мастер", посвященный жизни и творчеству писателя. Этот вечер мы проведем повторно для всех желающих в дни юбилея Шаламова (в июне - июле).

3 апреля для учащихся 5 класса школы №4 библиотекари провели исторический час "Как это начиналось" (о строительстве Вишхимза и антиромане В. Шаламова "Вишера").

17 апреля в библиотеке для учащихся ПУ №46 прошёл урок - путешествие по биографии и творчеству В.Т. Шаламова "Москва - Вишера - Колыма - Москва".

В Центральной библиотеке прошла презентация шеститомного собрания сочинений писателя. На мероприятие были приглашены учителя городских школ и те, кто признан жертвами политических репрессий.

С биографией Варлама Тихоновича присутствующих познакомила педагог с большим стажем Нина Анисимовна Дюкова. Отрывки из прозаических и поэтических произведений автора прочитала и прокомментировала библиотекарь Ольга Владимировна Хохлова. С воспоминаниями о своем отце Видюкове Максиме Ивановиче,

отбывавшем срок в Вишерском лагере одновременно с Шаламовым, выступила Екатерина Максимовна Видюкова. Н.В. Островский представил копию документального фильма о жизни и творчестве В.Т. Шаламова. Начальник Красновишерского почтамта Е.М. Сученинова дала информацию об итогах подписки на шеститомное издание В. Шаламова. В.П. Новикова сообщила о согласии издательства "ТЕРРА - Книжный клуб" подготовить для жителей Красновишерска антироман "Вишера".

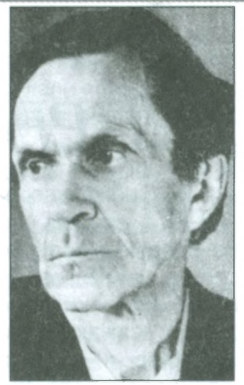
Гости имели возможность познакомиться с выставкой "Возвращение Варлама Шаламова", на которой

представлены документальные очерки, художественные произведения, в том числе собрание сочинений, дневниковые записи, письма, статьи, воспоминания друзей и родственников. Эта выставка продолжит работу в течение юбилейного года. Желающие могут посмотреть также документальный фильм о жизни и творчестве В.Т. Шаламова.

По просьбе читателей сотрудники библиотеки подобное мероприятие проведут в школах и других учреждениях города.

**Людмила СОКОЛОВА,
ведущий библиограф
Центральной библиотеки.**

Хроника жизни и творчества В.Т. Шаламова

- 1907** Родился 18 июня (1 июля), в г. Вологда, в семье священника.
- 1926** Поступает в Московский университет на факультет советского права, активно участвует в жизни столицы: в митингах и литературных диспутах, демонстрациях и чтении стихов.
- 1929** Арестован за распространение так называемого завещания Ленина ("Письмо к съезду") и приговорён к трём годам лагерного заключения, которые отбывал на Вишере.
- 1932** Возвращается в Москву, работает в журналах, публикует статьи, фельетоны.
- 1936** Рассказ "Три смерти доктора Аустино" был напечатан в журнале "Октябрь", очень много пишет: стихи, рассказы.
- 1937** Снова арестован, приговорен к пяти годам Колымских лагерей, работал на золотых приисках, в тайге, на угольных разработках Магаданской области.
- 1942** Получил новый срок - 10 лет - за то, что назвал И. Бунина русским классиком (расценили - антисоветская агитация), снова прошёл через побои, голод, холод, унижения...
- 1946** Врач А. Пантюхов, рискуя собственной "карьерой" заключённого - врача, направил В. Шаламова на курсы фельдшеров - это спасло ему жизнь.
- 1949** Впервые стал записывать стихи.
- 1951** Освобождён из лагеря, но уехать не смог.
- 1953** В ноябре приехал в Москву к семье, но жить здесь не имеет права (не был реабилитирован), уезжает в Калининскую область, работает мастером на торфоразработках, агентом по снабжению и... пишет "Колымские рассказы".
- 1956** Реабилитирован и вернулся в Москву, работал внештатным корреспондентом в журнале "Москва", пишет очерки.
- 1957** Журнал "Знамя" публикует его стихи.
- 1961** Выходит первый сборник стихов "Огниво", а в 1964 - "Шелест листьев", в 1967 - "Дорога и судьба", однако рассказы никто не решается напечатать.
- 1971** Закончена повесть "Чёрная Вологда".
- 1973** Написал антироман "Вишера" и повесть "Фёдор Раскольников".
- 1982** 17 января В.Т. Шаламов умер. Похоронен на Кунцевском кладбище.
- 1987** Появились первые публикации его прозы и стихов из колымских тетрадей.
- 1988** "Новый мир" дал подборку из колымских рассказов.
- 1989** В издательстве "Современник" вышел сборник его рассказов "Левый берег", а в 1991 году это же издательство выпустило "Колымские рассказы".
- 1990** Издательство "Орбита" издаёт сборник рассказов "Перчатка или КР - 2", куда входит и антироман "Вишера".
- 2000** Реабилитирован посмертно по первому сроку, который отбывал на Вишере.
- 2004** В московском издательстве "ТЕРРА - Книжный клуб" выходит его первое собрание сочинений в шести томах.
- 2007** Год столетнего юбилея со дня рождения писателя объявлен в Красновишерском районе Годом Шаламова.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ДО РОЖДЕНИЯ

... Множество раз приходилось слушать рассуждения взрослых, раздумья вслух (меня, пацана, не боялись, я был свой, проверенный): что же все-таки происходит, за что ссылают, сажают, уничтожают людей, и нет жалости ни к кому, не говоря уж о справедливости. Умные давно прекратили раздумывать на эту тему. Для них все было ясно с самого начала. Они никогда ни к кому, ни в какие инстанции не обращались, понимая всю бессмысленность и абсурдность подобных обращений. Государственный террор набрал такие обороты, что не было никаких сил противодействия. Более того, в обозримом будущем их и не предвиделось.

Весь контингент ГУЛАГа условно можно разделить на несколько категорий. Ясное дело, эти категории еще можно дробить, но я попытаюсь остановиться на основных.

В той стрессовой обстановке каждый искал себе нишу спасения. Одной из таких ниш был самообман. Будто бы произволом, беззаконием занимались только пробравшиеся в руководство НКВД "враги народа". Такой самообман многих спас, помогая перенести физические и моральные испытания, в надежде, что "врагов народа" в конце концов разоблачат.

Была еще одна категория, которую я разделил бы на две части: шакалы открытые и шакалы маскирующиеся. Открытые шакалы не скрывали своих намерений. Для них важно было одно: выжить. Выжить, конечно, за чужой счет, ибо иной возможности просто не представлялось. Маскирующиеся шакалы были хитрее. У них всегда наготове улыбка, дежурная фраза сочувствия. А много ли человеку нужно в горькую минуту? За доброе слово сам готов голодать, а пайкой поделиться.

Шакалы - народ любознательный. Им нужно было знать обо всем и обо всех. Чтобы потом со знанием дела составлять донос в оперчасть. Такой метод они использовали для расправы со всеми своими недругами. Впрочем, друзей, настоящих друзей, у них никогда не было и быть не могло. Как ни маскируйся, а суть свою не скроешь.

Умному шакалу или шакалихе (таким было больше) всегда требовалась свита. Окружение их состояло, как правило, из людей убогих душой, недалеких, так как нормальный человек, даже попав на время под гипноз обаяния, быстро разбирался что к чему и уходил от такого знакомства с чув-

ством безразличности и омерзения.

И была еще одна категория людей, многие из которых остались в моей памяти. Этим вспоминаю с глубочайшим чувством уважения и признательности. Уже хотя бы за то, что были. По характеру эти люди добродушны, незлопамятны. Даже в случае личных неприятностей (а их всегда хватало), от них зачастую можно было услышать: "фатум". Это были сильные и честные люди. Такой не съест свою пайку, зная, что рядом еще более голодный. Не подставит в трудную минуту вместо себя другого - лучше примет удар на себя. Таких не нужно было звать на помощь, у них в крови было - протянуть руку более слабому. В подвале, под пытками они подписывали протокол, в котором числилось выдуманное преступление, но при этом за собой не тянули. Они оставались снисходительны даже к тем, кто их предал или продал. А еще были доверчивы. Потому что судили о людях по себе. Поэтому и биты бывали чаще и сильнее других. Но, оправившись от очередного удара, оставались такими же порядочными, как были. Это славный народ. Я благодарен судьбе, что мне в моей жизни много повстречалось таких людей.

На этом можно было бы и закончить свои рассуждения по поводу разных категорий Гулаговского контингента, если бы...

Если бы не случались и герои. Редкие одиночки, мужественно бросавшие вызов всему беззаконию ГУЛАГа. Такие, например, как капитан Павлов - человек-легенда, знаменитость наших мест. О нем я и хочу рассказать отдельно.

Иду как-то с отцом в город. Недалеко от узкоколейки с нами здоровается какой-то мне не знакомый мужчина. Остановились, поговорили. Оказывается, он приехал откуда-то с дальнего лесопункта, а раньше, как я понял, жил у нас на Вишере. Сейчас ему необходимо показаться хирургу, грыжа замучила. По направлению приехал в больницу и попутно решил навестить земляков.

Отец попрощался с ним и спустя некоторое время обронил:

-Знаешь кто это? Отец Павлова.

-Что же ты мне сразу не сказал? Того самого? Разведчика? Героя Советского Союза?

Капитан Павлов был гордостью всех невольников. Своего рода Стенька Разин. Он был из семьи ссыльных.

На фронт ушел добровольцем. Парень оказался не из слабых, смысленный, потому и попал в разведку, где дослужился до звания капитана. Наград - места на груди не хватает, а в придачу - Золотая Звезда.

Вернувшись на Вишеру, где его родные все еще числились за коммандатурой, храбрый разведчик по наивности своей решил, что теперь-то он для энкавэдэшников недосыгаем. А потому вел себя с ними необычайно дерзко. Требовал человечности и справедливости. Учитывая его заслуги, энкавэдэшники, по крайней мере, первое время вынуждены были считаться с новоявленным бунтарем, как никак Герой. Хотя уже тогда предостерегали, что органы не потерпят насмешки над собой. Но где там, у фронтовика все еще не прошле хмель Победы. Его все еще обуревала радость, что остался жив, да в придачу - свободен. Но энкавэдэшники шутить не любили. И не умели. Они в другие игры играли. Они, вишь, и сами не меньше орденов заработали бы, чем любой из этих недобитых, да недосуг им было на фронт, за "контроль" нужно было присматривать. Для начала, для науки протащили Павлова через подвал. Не помогло. Еще больше расхрабрился, начал искать управу на энкавэдэшников. Чего уж совершенно невозможно было терпеть. Быстро, по закону - сначала лишив награды - определили ему не то десять, не то пятнадцать лет концлагерей.

Но ордена на фронте даром не давали. Тем более в разведке. Смелости, смекалки Павлову было не занимать. Ушел из особой зоны заключенный Павлов, причем с оружием. А так как понимал: все равно далеко не уйдет, поскольку архипелаг нашпигован постами, засадами и секретными, то решил подороже отдать свою жизнь на родине, в знакомых ему местах. Вот когда энкавэдэшники поняли, что такое фронтовик и за что ордена дают.

Была объявлена настоящая война. Ставили засады во всех местах вероятного нахождения беглеца. Но каждый раз Павлов обходил их или уничтожал. Случались и облавы, на которые энкавэдэшники шли, вспоминая давно забытого ими Бога и молясь, чтобы остаться в живых. Но немало, ох, немало положил бывший разведчик. Кружил он вокруг Полуд-горы, уходил к Ветлану - а там места обширные, тайга необозримая. Словом,

в большое беспокойство ввел беглец энкавэдэшное начальство. Как же такая огромная машина - и не может управиться с одиночкой? Это же подрыв авторитета органов, "передового отряда партии", как они себя называли. Вот уже подняты на ноги все активисты. Проинструктированы все сексоты. В полной готовности группы захвата, направлена техника. Но где сам беглец?

По всей местности объявлена тревога. Всем запрещено по одному ходить без надзора за пределы поселков и деревень. Наконец, совсем уж обложили смельчака. Садится он в душегубку - маленькая лодка, вырубленная из ствола дерева, - переправляется через Вишеру... Да не тут-то было. Уже задействована рация. Наблюдают. Появился. Ринулись катера опергруппы. Начеку посты, засады.

Широкая и быстрая горная река Вишера. Чтобы переплыть ее, нужно время. А его у Павлова нет. Вылетает из-за поворота быстрый катер энкавэдэшников, солдаты еще издали открывают огонь. Такого страху нагнал на них разведчик, что приближаться решили только к мертвому.

Долго отстреливался капитан, однако душегубка есть душегубка, слишком уж неустойчива. К тому же запалило с обеих сторон деревеньки: опергруппы спешат на помощь катеру. Разведчик опять за весло. Но слишком уж много стволов направлено на него. Пуля в грудь, пуля в плечо. Он уже на дне лодки, мертвый, но энкавэдэшники все боятся. На большой скорости прошлись катером по душегубке, развернулись - и еще, еще... Страшен был им даже мертвый легендарный беглец.

Так и погиб капитан-разведчик Павлов, оставшись в памяти символом сопротивления несправедному коммунистическому режиму.

... На месте уничтоженного кладбища полным ходом идут строительные работы. Но вскоре они застопорились. Оказывается, все, что строители успевают в спешке сделать, через день-другой поглощает болото. Из какой-то промысленной зоны доставили паровой экскаватор и начали рыть траншеи для осушения. И опять: полным-полно костей. Черепа, как на капустном поле кочаны - по всему бывшему кладбищу. Потом их, помню, собирали и где-то закопали. Иногда там стояли одинокие фигуры, видимо, поминали покойников. Но я туда больше не ходил. Страшно. А тут еще в одной из канав утонул мальчик. После чего взрослые стали поговаривать, что мертвые начали тянуть живых.

А вот и новость. Ликвидируют осо-

бую зону, стоящую рядом с комендатурой. Как-то неожиданно это для всех. Зекон перегоняют в другие зоны. Когда убрали запретки, пообрезали заостренные колья и разломали забор, нам открылись бараки, точно такие же, в каких живем мы.

Пробегаю как-то мимо пятого барака, слышу, окликает дядя Розан, обещая что-то показать. Дяденька он был рассудительный. А главное, всегда разговаривал со мной, как со взрослым, что мне очень нравилось. Так вот, он ведет меня на территорию бывшей особой зоны. Перед нами большой холм. В нем дверь и много-много ступенек вниз, откуда тянет холодом и сыростью.

Дядя Розан берет меня за руку, и мы начинаем спускаться по ступенькам. Чем дальше, тем больше охватывает меня беспокойство, чувство необъяснимого страха, и я все плотнее прижимаюсь к дяде Розану. Внизу еще дверь, и тоже приоткрытая. Заходим, а там места - чуть ли не в полбарака.

Сверху и не подумаешь, что тут такой простор. К тому же свет горит.

Осматриваемся. Прямо над нами на высоте двух метров железная балка с кольцами. В углу печь. Справа от нас, только уже у пола, такая же железная балка с кольцами. И три столба - от потолка до пола. Дальше было еще две двери. Дядя Розан открыл одну, жестом приглашая меня посмотреть, что там. Передо мной открылись три или четыре каморки с решетками. За второй дверью - те же камеры. Мне очень хочется уйти отсюда, не то что уйти, а убежать, куда глаза глядят, потому, что ощущение не обмануло, я уже все понял - это была пыточная. Бабушка много рассказывала про злодеев и палачей царя Грозного, как опричники пытали в подвалах свои жертвы, и про этот подвал я также много слышал, как ни молчаливы были его невольные посетители.

ОБ АВТОРЕ

После прочтения "Архипелага ГУЛАГ" А.И. Солженицына, "Колымских рассказов" В.Т. Шаламова, "Спящей тьмы" Кестлера и других авторов, переживших вопиющие беззакония тоталитаризма, в которых перед нами прошли леденящие кровь судьбы взрослых, книга "Репрессированные до рождения" показывает судьбы детей тех мрачных мест и их восприятие той страшной действительности.

Автор книги - Леонид Эгги - сын ГУЛАГа, известен не только своей правозащитной и миротворческой деятельностью. Он то несет еду брошенной старушке, то везет гуманитарную помощь пострадавшим в боях в Молдове, то организует комитет помощи беженцам из Приднестровья.

В конце 80-х годов он - один из руководителей полуподпольной ассоциации беспартийных, участник антикоммунистических митингов, активный депутат Одесского горсовета народных депутатов, организатор "круглых столов", часто выступает по радио и в прессе, делегат Международного народного конгресса в Риме и других международных конференций. Лейтмотив его выступлений - мир и согласие, терпимость и взаимопонимание людей разных взглядов и устремлений.

Леонид Эгги - сын Вишеры. Его детство и юность прошли в микрорайоне "Лагерь" нашего города.

-Леня! Ты когда-то спросил, зачем мне японцы нужны были? Вот в этом подвале меня сделали японским шпионом, - дядя Розан помолчал, о чем-то задумавшись. - Здесь много шпионов делали, подняв на дыбу или загоняя под ногти иголки. Много было способов. Молчи, сынок, что мы здесь были.

Наконец, мы поднялись наверх. Дядя Розан вновь предупреждает меня, чтобы молчал, и мы расходимся. Каждый со своими мыслями об увиденном.

Через некоторое время подвал разломали, засыпали и построили на этом месте детсад.

Катились своим чередом дни, складывались в месяцы и годы. В один из таких дней, в своей квартире, на горке, где был парк с фонтанами, повесился на женском чулке грозный начальник НКВД Бологов. Говорят, что помогли ему. Не знаю.

По истечении срока спецпоселенцам, ссыльным, высильным начали выдавать документы на освобождение. Года с 1955 или 1956 потихоньку стали выдавать документы, снимать ограничения. Многие из них съездили в свои родные места поклониться могилам предков, если таковые остались при новой власти, и почти все вернулись на Север, так как на родине оказались никому ненужными. Новые хозяева не умели, да и, по моему убеждению, не хотели работать, чтобы люди жили в достатке. Делить чужое легче, но оно не бесконечно, и очутились мы в разграбленной стране, а те супостаты, что убивали, грабили народ, сейчас с большим искусством и не без успеха натравливают нас друг на друга, разыгрывая языковую и национальную тему.

Волей неволей воскликнешь - ЛЮДИ! БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

Отрывок из повести «Островок ГУЛАГа».

ИВАН АБАТУРОВ

Он стоял на высоком берегу и напряженно всматривался вдаль - вниз по течению, спрятанному глубоко подо льдом. Видимость в тот день была отличной - километрах в пяти, из-за поворота Вишеры, среди белого полотна снега должна была появиться черная точка. И, наконец, она появилась, медленно увеличиваясь в размерах. Он ждал этого мгновения три долгих года. Он не выдержал - и побежал навстречу тому санному обозу, который вез ему любовь и счастье. И горе, неизбежное, как смерть.

Его мать, Агафью Самойловну, грамотную староверку, и раньше возили на саночках - сельская детвора, которую она учила тому, что такое: аз, буки, веди, глаголь, добро... За этим Добром пацаны прибежали прямо к дому и увозили ее на занятия в саночках - так любили Агафью Самойловну. А она только смеялась, исчезая в морозном сибирском тумане.

- Кажется, это было в 1906 году, - вспоминал, прикрывая глаза, Иван Назарович.

Когда в сибирское село Кама были присланы священник, пономарь и учитель, тогда открылась начальная школа. А еще через три года в доме Абатуровых остановился уездный начальник. Пока мать готовила пельмени, он подозвал к себе десятилетнего мальчика: "Ты в школе учишься?"

- Да, вот закончил нынче - с похвальным листом! - ответила за Ивана мать.

- Молодец! Мамаша, а ты хотела бы, чтоб сын получил образование? Я помогу...

Агафья Самойловна скрыла, что мальчику нет одиннадцати лет, необходимого для поступления в пятиклассное высшее коммерческое училище. Стоял сентябрь, и на одно остававшееся свободным место собралось пять претендентов. И пока дети сдавали экзамены, городские родители, в том числе и частная торговка, владевшая колбасным производством, насмеялись над матерью: "Привезла грамотея..." Насмеялись недолго. Вышедший к ним инспектор объявил, что в училище зачислен Иван Абатуров.

Заключенный четвертого отделения Соловецких лагерей особого назначения бежал навстречу обозу, шедшему по льду заснеженной Вишеры. Он бежал все быстрее, пока первая лошадь не оказалась совсем близко. И тогда Иван сошел в сторону, чтобы освободить дорогу.

Не первые сани интересовали его,

и даже не остальные девяносто девять. Гэпэушники и заключенные знали, что из Соликамска идет ровно сто повозок. Но всего несколько человек были посвящены в это дело: одна лошадь, запряженная в сани, двигалась позади, на некотором расстоянии от обоза. Потому что люди, сидевшие в санях, пробирались в район лагерей тайно и незаконно. Но Иван знал точный день и час, когда они должны появиться. Он задумал это давно и продумал все до деталей. Чекисты будут поставлены перед фактом, а в остальном он полагался на Бога, в которого всегда верил.

Иван в пятнадцать лет стал делопроизводителем в ревкоме. Позднее занимался сбором и охраной семенного фонда. В двадцатых учился в Каинске - в специальном, "казенном", как его называли до революции, хозяйстве - на мастера-маслодела.

Мария работала с ним еще в ревкоме, и они дружили шесть лет. Поженились и родили двоих детей - мальчика и девочку. Сестры вышли замуж, и старики жили с Иваном. И еще долго бы жили...

Потом он стал членом ревизионной комиссии Союза западносибирских маслоделов - и ожидал от будущего только счастья. Красавцу парню было двадцать шесть, когда его провели по всему селу с заложеными за спину руками, как последнего бандита. И вооруженные милиционеры повезли арестованного за семьдесят километров, в Каинск, в тюрьму, где Иван провел первые в своей жизни четыре месяца неволи. Там он узнал, какую кадку называют парашей.

На допросах следователь-гэпэушник упорно сводил дело к тому, что в Каме готовился заговор. И свел - всем пятерым внесудебным порядком дали по три года. Это было время еще детских сроков.

- Подумаешь, три года! Вы молоды - наберитесь терпения. Мы смертные приговоры не успеваем рассматривать... - так сказал прокурор Марии, когда та приехала в Москву. Тогда она написала жалобу в Новосибирское ОГПУ, но ответа получить не успела...

Старика Назара лишили избирательных прав. И раскулачили: хозяйство разграбили, всю семью Ивана - отца, мать, жену и двоих детей - выслали на север Сибири, за Васюганские болота. Тот обоз с раскулаченными от деревни до деревни сопровождали верховые с ружьями.

- Шпана местная...

Бывший ревкомовец назвал комбедовцев таким точным словом, что

Иван Абатуров.
Фото из Личного дела.

сразу вспомнились нынешние комиссары, которых по-шахтерски называют "бригадами", а самих красноармейцев - рэкетирами. Только форму переодели, да влезли в джипы, да ружья стали помповыми.

После бани колонну построили возле двух еще свежих барачных городков. За заснеженным руслом Вишайхи, притока Вишеры, тянулся забор с колючей проволокой - там находился сам лагерь. И какой-то начальник, вышедший к этапу, произнес слова, которые Иван Назарович запомнил до конца жизни: "Думаете, вас прислали сюда на лечение? Вас прислали на истребление!"

Человек девяносто четырех лет, сидевший напротив меня, неожиданно засмеялся. Абатуров прожил, как я понимаю, столько, что может позволить себе все, ведь он пережил своих палачей - и остался единственным судьей жестокого прошлого.

- Так сказал ротный нашего барака - сам бывший зэк. Впрочем, там вся администрация оказалась из бывших. В крайнем случае - из будущих.

Ну вот, значит, так началась история Вишеры...

Заключенных, как выразился Абатуров, "зря не держали". А Иван делать мог все, что сразу было отмечено. "Потом появились южане в халатах - я кричу им: что стоите? Вы же замерзнете!"

Так он попался на глаза начальнику по производству, отцу будущего Генпрокурора СССР - того самого, что выступал с обвинением на Нюрнбергском процессе. Андрей Дмитриевич Руденко поставил Ивана учетчиком на 2-й лесозавод. "И я стал самым маленьким начальником..." И там, в лагере, Абатуров снова решил учиться - достал литературу, начал изучать дре-

весину, ее разновидности и качество. Был назначен брокером - специалистом, который оценивает качество продукции. И даже получил право жить вне зоны - в сколоченной у лесозавода хибаре. Тогда и задумал то, что сделал в феврале.

В такой же хибаре жила семья Ивана за Васюганскими болотами, ширина которых - 80 километров. Жена была беременна, и тот ребенок, сын, что родился, вскоре умер. Мария за кусок сахара стирала белье гэпэушникам. А через полгода в село Кама пришел ответ из ОГПУ: признать невиновными... И племянник Ивана, подросток, рванул на лошади к северу, за 300 километров от родного села.

День и ночь думал о них Иван в далекой уральской тайге.

Иван Абатуров стал старшим брокером. Он уже мог заказать себе повозку с кучером или верховую лошадь. И потихоньку, отказывая себе в лишнем, скапливал сухие пайки - готовил склад продуктов.

Вишерский комбинат был построен, а Иван заматерел и оброс связями. "Пора действовать!" - сказал он себе. Через кузнеца Сергея Судницына отправил семье несколько посылок. Шел 1932 год. Срок еще не закончился, а на родине ничего не было, кроме разоренного дома, родные жили на квартире.

Абатуров послал туда письмо, в котором подробнейшим образом проинструктировал семью, как надо действовать: какого числа, на чем и куда прибыть, у кого остановиться в Соликамске, как нанять лошадь, когда и за кем двинуться в путь. Договорился с морчанским кузнецом и старшим обоза, который ему был обязан.

Андрей Дмитриевич Руденко до 17-го служил начальником жандармского управления и одновременно поддерживал связь с политическими - такой "двойной агент". Большевики не

забыли об этом, и Руденко стал командиром полка. Правда, потом они не забыли еще раз - и дали ему на всякий случай 10 лет, которые он и провел на Вишере. Андрей Дмитриевич и назвал Ивану фамилию: Филиппов, заместитель начальника лагеря... Тот самый чекист Филиппов, о котором старый лагерник Варлам Шаламов писал "Филиппов любил людей, любил и умел делать добро людям. Ведь людям делать добро трудно - надо не задеть самолюбия, надо угадать или понять чужое сердце, если не чужую душу". Трудно поверить, что речь идет о заместителе Берзина, но не поверить Варламу Тихоновичу - невозможно.

Санный обоз двигался по льду реки трое суток. Когда мимо Ивана прошла сотая лошадь, он поднял глаза - и побежал... Он бежал навстречу саням и плакал. Он обнимал-целовал детей, жену и своих стариков. А вокруг стояли непроходимая тайга и дикий мороз, от которого некуда скрыться. Чтобы выжить, оставался только один путь.

-Я возвращаюсь, а вы поедете направо. Минуете первый поворот, а потом будет второй. Там свернете. За церковь - дом двухэтажный. Хозяйка звать Сергей Судницын, он ждет...

У Вижаихи стоял двухэтажный барак, в котором находилось управление лагеря. "Ты ко мне?" - спросил Филиппов поднявшегося при его появлении Абатурова. "Да", - ответил Иван. "Заходи..."

Абатуров, здоровый парень, бывалый, встал посреди кабинета - и ноги его подкосились. Он сделал не то, что хотел, а то, что никогда в его жизни не было - ни до, ни после: он упал на колени. "Что с тобой?" - изумился гэпэушник. "Виноват, начальник, - сказал Иван, - наказывайте... Семейно вызвал сюда..." - "Ты у нас, кажется, старший брокер?" - "Да". - "И срок у тебя скоро заканчивается?" - "Да."

Бывший жандармский офицер Руденко разбирался в людях - он знал, к кому направить Абатурова. Филиппов разрешил остаться семье Ивана, и более того - выделил квартиру.

После освобождения Иван был задержан еще на пять лет - теперь уже ссылки. Вскоре у него одна за другой родились две дочки. И он вызвал к себе младшую сестру. Но, как писал тот же Тарковский, тогда "судьба по следу шла за нами, как сумасшедший с бритвою в руке..."

В 1934 году выше вишерского водозабора была сброшена какая-то болезненная зараза - и брюшной тиф в одночасье унес жизни девяносто человек! Среди которых - мать, отец, сестра и две дочери Абатурова. Самое страшное время в его судьбе. За него самого врачи боролись 32 дня - и с тех пор, вот уже шестьдесят лет, он не может смотреть на молоко - столько тогда пришлось выпить, без крошки хлеба.

Братская могила семьи Абатуровых появилась на вишерском кладбище. А сам он остался инвалидом, но продолжал работать.

В 1937 году вторично арестовали Андрея Дмитриевича Руденко и увезли в Соликамскую тюрьму. Вскоре отпустили, он вернулся, но не выдержал потрясения и умер.

На фронт Абатурова по состоянию здоровья не взяли. Он организовывал работу военного госпиталя в Перми и от всяких повышений категорически отказывался. Тогда вишерский директор не выдержал и решил вопрос сам. Приехал из Москвы и достал из портфеля бумагу, приказ министра СССР: Абатуров Иван Назарович назначается коммерческим директором Вишерского целлюлозно-бумажного комбината...

Бывший эзк, человек, пришедший в тайгу под конвоем, пробыв в этой должности 20 лет. И, проносив клеймо врага народа в течение 64 лет, лишь в 1992 году был реабилитирован и назван жертвой политических репрессий.

-У меня было три дочки - Вера, Надежда, Любовь, - говорил Иван Назарович Абатуров. - Вера и Надежда умерли... Осталась одна Любовь.

Потом помолчал и добавил:

-Хорошей женщиной была моя Мария Петровна.

Отрывок из романа Юрия Асланьяна "Территория Бога".

Р.С. Сын Ивана Назаровича - Борис Иванович - долгое время работал помощником первого секретаря обкома КПСС Б.В. Коноплева. Сейчас является директором коллектива "Арабеск".

Лагерь.

ИВАН САЕНКО

Говорят, время лечит. От телесных недугов, от душевных травм. Но годы репрессий так безжалостно и широко прокатились по судьбам всех сословий, особенно крестьян, что привычная поговорка потеряла всякий смысл.

Я была ребенком, когда началась массовая коллективизация, и наша семья попала под раскулачивание. В экстремальных условиях дети рано взрослеют. Страшные картины горького детства, рассказы близких, документы, связанные с реабилитацией нашей семьи, позволяют достоверно воспроизвести события семидесятилетней давности. Они таковы, что горечь от потерь, унижений и оскорблений не забыть никогда.

Они таковы, что горечь от потерь, унижений и оскорблений не забыть никогда.

Я родилась в 1928 году на хуторе Зенино Вейделевского района Воронежской (ныне Белгородской) области. Главной семьи считался дедушка - Саенко Иван Григорьевич, 1861 года

рождения. Бабушку звали Мария Ивановна. С ними вместе одним домом и общим хозяйством жил их сын, Иван Иванович, его жена, Мария Руфминовна, и три дочери: Татьяна, Марфа и я, Клавдия.

В небольшом доме было тесно. И, как водится, для семьи сына начали строить новый дом.

В хозяйстве было 30 десятин пахотной земли, сельскохозяйственный инвентарь (плуг, борона, сеялка, веялка, молотилка), три лошади, две коровы, два вола, пять свиней, 20 овец, домашняя птица.

Работали от зари до зари. Не только в своем хозяйстве. Приходилось работать у других, особенно в саду богатого владельца огромного сада - Блинова.

Мама рассказывала, что часто, возвращаясь с поля или из сада уже в сумерках, выслушивали насмешки хуторян, которые к тому времени ус-

певали поужинать, располагались на скамеечках возле хат. А нам были нужны дополнительные заработки, т.к. строили новый дом. Построили как раз перед коллективизацией. Но недолго радовались ему.

Первым арестовали отца. За что - никто не знал. Куда увезли - тоже не сообщали. Куда писать - неизвестно. Вскоре пришли за дедушкой. Тут мы все вцепились в него. Крик. Слезы. Вооруженные люди, одна из них - женщина, оторвали

ни. Теперь уже плакали и молились от радости. За дедом никто не приходил.

Но и на этот раз радость была недолгой. Теперь пришли выселять всю семью. Ничего не разрешили взять. Мама пыталась что-то передать родственникам. Пыталась взять теплую одежду (дело было к осени). Также не позволили.

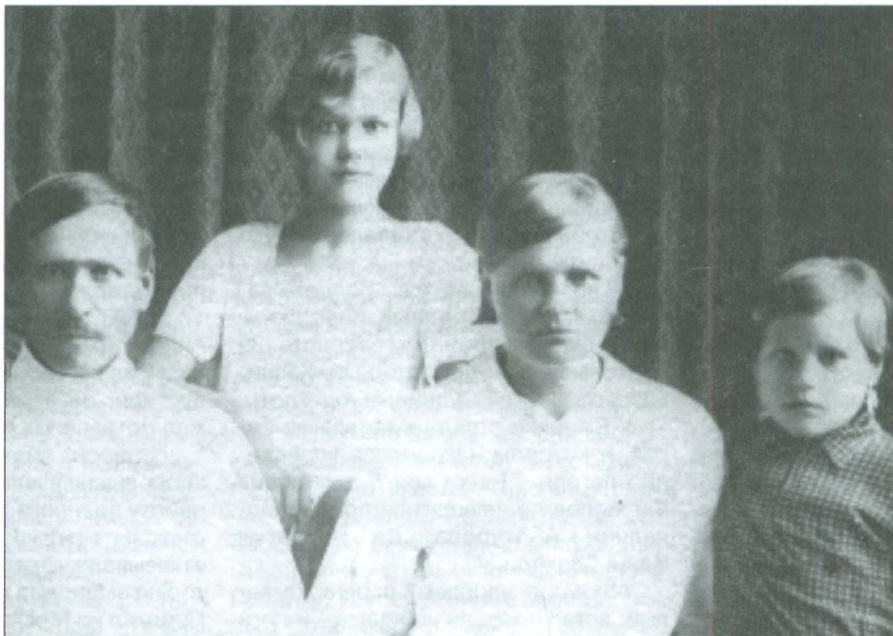
Двое старых (дедушке и бабушке было уже более 70 лет) людей, мама и трое детей были доставлены к стан-

ции, помещены в теплушки, где уже было битком набито таких же крестьянских семей, местными административными органами приговоренных к высылке.

Сначала мы думали, что, может быть, нас везут туда, где сейчас наш отец. Но этого не случилось. Ехали нескончаемо долго. Всех мытарств пути не описать. А когда дорога закончилась, стало еще страшнее. Нас высадили в казахских степях, где-то около Караганды. Народу тьма.

Еще больше скота. И за ним предстояло ухаживать прибывшим переселенцам. Страшно было то, что жилья никакого не было. Надо было из чего-то строить, а из чего? Начали делать саман - кирпичи из глины и травы.

Не на чем варить хоть какую-нибудь еду. Собирали сухой навоз, делали кизяки. Копали углубления в земле, делали стены из самана. А чем крыли крыши, даже и сейчас не знаю. В жилище все из глины: стол, кровать, табурет. Постелить на ту кровать тоже нечего. Одно самотканое рядно размером чуть больше одеяла. Постоянное чувство голода. Не разрешали на еду использовать даже падшего барана или лошадь. Но люди ухитрялись выкапывать и все-таки ели. Страшно было и то, что не было воды. Ее доставали из глубоких колодцев, заглянув в которые, не увидишь дна. Дедушка должен был эту воду поднимать в тя-

Семья Саенко. 1936 год.

от нас дедушку и увезли в тарантасе под конвоем.

Мы упали на колени перед иконами и молили Бога о спасении дедушки. Потом он рассказывал, что и сам молился о спасении и о нас.

Долго в семье жила легенда о чудесном спасении деда. Упряжка мчалась по степи, вдруг откуда ни возьмись, перед нею олень (их там не водилось никогда). Может, в воспаленной голове дедушки какое-то другое животное показалось оленем.

Но и конвоиры видели то же. Они начали стрелять, но пули не попадали в животное. Тогда стрелки вытолкнули деда, велели не оглядываться. Он ждал выстрела в спину...

Но его не последовало. А упряжка удалась. Стало тихо. Дедушка пришел в себя, оглянулся, никого не увидел и как мог побежал назад. Добрался до дома. Все опять упали на коле-

желой бадье. Крутить ворот было непосильно тяжело старому и голодному человеку. Он недолго и протянул. Остались мама с бабушкой. Бабушка уходила куда-то с казахами и киргизами, просила милостыню, собирала объедки. Взрослые все отдавали нам. А сами дошли до истощения. Начали опухать. Особенно тяжело было зимой. Снежные бураны не позволяли выйти на улицу. Иногда жилища вообще заносило снегом. Начался настоящий мор. Зимой земля промерзала. Мертвых не хоронили. А весной выкапывали глубокий ров и всех мертвых складывали штабелями.

В последующие годы мы, дети, подобным образом во рвы закапывали саранчу.

Так маялись мы в Казахстане около пяти лет.

В это время нас разыскивал отец. Он по этапу в 1930 году был доставлен на Вишеру, на строительство комбината. Какой это был труд и условия жизни для заключенных нынешнее поколение знает из книг. Отец нам тоже немного рассказывал. Он хорошо помнил и Берзина, и Филиппова. И массовую гибель заключенных. И сам чуть не умер. Его, уже неспособного к тяжелому труду, отправили в инструменталку на каменоломню, возле деревни Бахари. Там, в полуподвальном помещении, он и жил, и делал инструменты, выдал ломы, кувалды, молотки и т.п. рабочим.

Отец добился разрешения на воссоединение семьи. Мы ехали поездом, потом пароходом, а с пристани шли пешком. Нас перевезли через реку, хоть нечем было за перевоз заплатить.

В Казахстане осталась сестра Таня. Видно, мама с бабушкой не считывали нас всех довести. Таня осталась в няньках у какой-то киргизской семьи. Что она там пережила! Много позже она все же к нам приехала.

Хорошо помню наш "поход" от пристани до Бахарей. Наверное, потому, что шли все босиком. Когда переходили по камням карьер, волдыри на ногах мамы лопнули, и из ран сочилась вода и кровь.

Живот у мамы от водянки был такой, что папа вместо приветствия спросил: "Ты что, Маня, в положении?" У мамы слезы ручьем... Выручила бабушка.

Стали мы жить с папой в той инструменталке. Но все равно новое место нам очень понравилось: лес,

речка... Теперь не пропадем. И действительно, ягоды нас спасли. Мама вскоре начала работать на каменоломне. Комбинату нужен был известняк. Скалу взрывали, большие камни дробили. На тачках катили к барже по трапу. Не женский это труд. Но работали и женщины. Нужны были сноровка и силы. Где ж их взять? Однажды мама вместе с тачкой упала в воду и сильно повредила левую ногу. Всю жизнь потом эта травма давала о себе знать. А сколько лаптей было изломано по этим камням! Сколько рукавиц изорвано!

Но жить стало все-таки легче.

Нам разрешили перейти из подвала в избушку, которая до этого служила вошебойкой. В ней отпала надобность, потому что люди стали получать зарплату, стали покупать одежду и обувь. Завели огородики. Появились курочки и козы. Кое-кто обзавелся и коровой. Покосов, конечно, не было. Земля и покосы кругом были колхозные.

Расчищали лесные делянки. Носили траву из-под кустиков вязанками. Раскорчевывали склоны гор и логов, сажали картошку.

Мы стали ходить в школу, сначала в Морчанскую, затем в город, в "Красную" (теперь школа №4). Сестра Марфа закончила семь классов и поступила в Чердынское педучилище. А после шести классов пошла в ФЗУ.

Жизнь понемногу налаживалась. А тут 1941 год. Здесь у нас некому было идти на фронт. На родине, в Белгородской области, призвали мамино брата. Он погиб на фронте. Остальные родственники пережили не только голод военных лет, но и оккупацию. Однако, как в 90-е годы выяснилось, наш дом в деревне Зенино уцелел. Там и сейчас живут. На мой запрос прокуратура г. Белгород сообщила, что в бывшем нашем доме живут семьи Поповых и Пивневых. Мне разъяснили, что порядок возврата имущества, изъятого при раскулачивании, или компенсация его стоимости действующим законодательством не урегулированы. Этот документ относится к 4 сентября 1990 года. А в октябре 1991 года был принят Закон РФ "О реабилитации жертв политических репрессий". И мы получили компенсацию.

Но родители не дожили до реабилитации. Отец умер в 1980 году. Ему было 90 лет. Мама умерла в 1983 году.

Сестра Татьяна умерла совсем молодой от неизлечимой болезни. Умерла и сестра Марфа.

Они с мужем воспитали четырех дочерей. И у меня четверо детей: два сына и две дочери. У наших родителей было девять внуков. Они прожили долгую жизнь, несмотря на тяжелые испытания. Я часто думаю, как это могло случиться. И делаю такие выводы. Во-первых, они были глубоко верующие люди. Вера помогала им философски принимать удары судьбы.

Во-вторых, они очень любили своих детей и никаких сил не жалели сначала для их спасения, потом для их учебы, позднее - для воспитания внуков.

Я теперь понимаю, чего стоило родителям построить дом на левом берегу Вишеры, чтобы внукам не рисковать ежедневно при переправе (ведь мне-то приходилось тонуть в ледоход).

Как мама вставала в четыре часа утра, чтобы вовремя накормить старших, отправлявшихся на работу. Я долгие годы ходила на работу до моста через Вижаху, где располагалась контора и склад ОПСа Вишерской геолого-разведочной партии. А торговые точки были почти во всех поселках района. Бухгалтерские ревизии проводились регулярно. И дети оставались на попечении бабушки и бабушки.

Много хлопот доставляли и зятья. Оба участника войны, и оба неспокойного характера. Зато внуки обожали своих "дорогих стариков". То, что они всегда чувствовали себя нужными и детям, и внукам и было третьей причиной их долголетия.

Из большой семьи, высланной в 1930 году из родных мест, осталась я одна. Урал я считаю своей второй родиной. Мы ездили в Белгородскую область в 50-е годы. Ни отец, ни мы с мужем не захотели туда возвращаться. Еще не были залечены раны войны, а колхозникам никогда хорошо там не жилось.

Прошло более семи десятилетий, но никакие ученые, никакие политики не могут ответить на вопросы, которые не покидают и нас, переживших те события: во имя чего надо было ликвидировать миллионы крестьян-хлеборобов; сознательно это уничтожение проводилось или по недомыслию тогдашних правителей и их идейных вдохновителей?

Нас реабилитировали, а что такое противозаконное мы совершили?

Клавдия БУТОВА,
дочь репрессированного Саенко
Ивана Григорьевича.

МАКСИМ ВИДЮКОВ

Вот и настало время, когда можно спокойно говорить об истории становления родного края, о тяжелой судьбе его прародителей - наших отцов и дедов. Жаль, что не дожили они до наших дней.

Мой отец, Максим Иванович Видюков, в 1931 году был выслан со своими родителями и братом из Ростовской области в Ныробский район ссыльной Пермской области. При ссылке у них было конфисковано все имущество: дом с хозяйственными постройками, сельхозинвентарь (сеялки, веялки, плуги, бороны, мельница), скот, лошади, быки, овцы, птица.

Деда, Ивана Павловича Видюкова, выслали за то, что он не хотел вступить в колхоз. Судила деда тройка ОГПУ. Четырех старших детей заставили отречься от родителей. Их не выслали.

Сегодня нам известно, кто написал донос на деда.

Мне с сыном Романом довелось несколько раз побывать на родине моих отца и деда. Интересовалась судьбой доносчиков. Она печальна: они были расстреляны фашистами во время оккупации Ростовской области.

Итак, 1931 год. Семья моего деда вместе с сотнями других таких же несчастных была погружена в вагоны-теплушки и отправлена в неизвестность.

Куда их везли? Никто не знал.

Моему отцу было 20 лет, он был грамотный. По названиям мелькавших станций, вокзалов он определил, что везут их в сторону Урала.

Вот и Пермь. Из громкой перебранки железнодорожников и охраны люди поняли, что их состав будут отправлять в Сибирь. Но из Тюменской области подошел с таким же "грузом" поезд. Несколько суток стояли в Перми, ждали решения.

И не знал тогда отец, что во встречном поезде ехала его будущая жена Зинаида Якимова. А было ей тогда всего 14 лет, ее вез дядя к родителям, раскулаченным и высланным ранее. Правительство тогда решило соединиться семьям.

После длительной стоянки в Перми оба состава были отправлены на север области.

Здесь, в Ныробском районе, отец стал работать счетоводом-бухгалтером. Но на него был написан донос, что он владеет подпольной типогра-

фией и радиостанцией, занимается шпионской деятельностью. Был обыск. Типографию нашли, она вместилась в спичечный коробок. Это была обыкновенная резинка, на которой была вырезана фамилия "Видюков". Этот штамп-фамилию он ставил в конце бухгалтерских документов, рядом со своей подписью. Нашли и радиостанцию. Это были самостоятельно сделанные наушники, которые можно было подсоединять к радиопроводам и слушать Москву.

В ноябре 1932 года отец был осужден тройкой при ПП ОГПУ по Уралу по статье 58 п. 10 за шпионаж.

Выписка из протокола гласит: "Видюкова Максима Ивановича заключить в лагерь сроком на пять лет. Секретарь Тройки ПП ОГПУ Изэль".

Из Ныробского района отец был переведен в лагерь пос. Красновишерск. В этот же период здесь в лагере находился Варлам Тихонович Шаламов.

Мой отец не был с ним лично знаком, но его воспоминания, его рассказы удивительным образом перекликаются с тем, о чем писал В.Т. Шаламов в антиромане "Вишера".

В лагере привольно жилось уголовникам, их охрана никогда не трогала. По ночам они могли свободно уходить за забор, к утру принести в бараки ворованные вещи, могли проигрывать людей в карты, убивать их. Никто и никогда не разбирался по этому поводу.

Иной жизнью жили политические заключенные. Это были ученые, преподаватели вузов, инженеры, техники, строители и т.д. Каждый вечер в углу барakov они проводили беседы, читали лекции, вели научные споры.

Отца все это интересовало, он все слушал, а что-то и записывал. В нем всю жизнь была техническая жилка. Недаром впоследствии он был лучшим рационализатором Вишбумкомбината.

Около года отец находился за ключей проволокой в лагере, затем был переведен на условный срок отбывания, то есть, ему разрешили жить в бараке по другую сторону забора. Как записано в протоколе - "... освободить из-под стражи и водворить в спецссылку".

Я спрашивала отца, почему его не расстреляли, не отправили в Магадан? Он отвечал, что нужен был здесь. Его ценили как бухгалтера, составляющего финансовые отчеты. В лагере

1936 год. Максим Иванович Видюков с супругой Зинаидой.

он также вел книгу учета осужденных. Прибыл такой-то эшелон, по такой-то статье, столько-то осужденных, осужденный выбыл туда-то, умер, расстрелян. Пустой оставалась графа "освобожден". Хотя "освобожденные" были. Происходило это так. Собирались медицинская комиссия в главе с начальником лагеря. В комнату заводили очередного полураздетого доходягу, больного, истощенного человека. Врачи брезговали дотрагиваться до него. Главврач приказывал: "Максим, а ну-ка, ткни его!" Отец нажимал пальцем в область плеча, образовывалась трупная черная ямка, которая не выравнивалась.

-Пиши! Свободен!

Несчастному здесь же выдавалась справка об освобождении. Десятками таких "освободившихся" выводили за ворота лагеря. Кто-то из них отходил на несколько метров от забора, а кто-то садился прямо у ворот. Здесь и умирали. Утром приезжали лошади с деревянными коробами и увозили трупы за конбазу. Трупы не хоронили, а сбрасывали в болото, через несколько часов трясина поглощала их.

В болотах топили не только мертвых, но и живых. Так в районе села Оралово был заживо утоплен нефтяник Эммануил Дижур, отец знаменитого скульптора Эрнста Неизвестного.

Однажды зимой в лагерь была привезена огромная партия "врагов

народа" из Средней Азии. В основном, это были старые люди. Все в длинных полосатых халатах на вате, в тюбетейках. Почти никто не говорил по-русски.

Однажды отец шел на лыжах по заснеженному лесу в Тепловку по делам бухгалтерского учета. Увидел сотни людей в тюбетейках, в полосатых халатах, с пилами в руках. Они сидели в снегу под деревьями. Отец подошел к ним, стал объяснять, что сидеть нельзя, надо двигаться, а то замерзнешь. Но они только махали руками и кутались в свои халаты. Несколько охранников в тулупах, с винтовками, улыбаясь, наблюдали эту сцену.

Вечером отец возвращался в лагерь по своей лыжне. Он увидел сотни трупов в полосатых халатах. Позднее эти халаты выдавались в семьи заключенных в качестве ватных одеял.

Этих несчастных закопали в мерзлую землю в районе Тепловки. Кстати, пос. Тепловка был назван так в честь коменданта по фамилии Теплов.

Когда-то на Тепловке был пионерский лагерь "Звездочка". Мне довелось там работать. Я помню, как наши пионеры бегали с палками, на которые были надеты человеческие чере-

па. Мы объяснили детям, что это кошунство, что так нельзя, что надо чтить память умерших. А они нам показали целые свалки человеческих скелетов чуть-чуть присыпанных землей. Детям можно простить незнание. А взрослым?

Почему у нас разрешено строить жилые дома в местах массовых захоронений? Неужели наши руководители не знали истории своего района?

Отец вспоминал, что самым жестоким человеком был комендант пос. Песчанка, почти все население которого вымерло с голоду. Умерших выносили из домов и складывали рядом; весной, по мере оттаивания, их собирали и зарывали в землю.

Однажды весной отцу довелось быть в этом поселке. Он зашел в один дом, доски пола хлюпали от талой воды. Посредине комнаты в воде лежала мертвая молодая женщина. Маленький ребенок шевелился сверху и сосал ее мертвую грудь. Это было ужасно.

Те из несчастных, которые бежали из поселков от голодной смерти, попадали под пули стрелка Панченко. Это был меткий стрелок, он охранял переправу через Вишеру в районе нынешнего поселка Вишерогорск.

И до сей поры старики называют

этот переезд через реку "районом Панченко".

Родители рассказывали, что в 30-е годы часто по ночам устраивались облавы-аресты. Бараки замирали, куда в коридоры входили солдаты, стуча сапогами и винтовками. Арестованных увозили в Соликамск.

Сегодня я знаю фамилии людей, которые расстреливали этих несчастных. Они сами об этом рассказывали:

-Давали стакан водки и пистолет. Открывали двери подвала. Стреляли, не целясь, потому что люди в подвале стояли плотно. Каждая пуля попадала в цель.

Я знаю людей, которые готовили бланки-доносы. Готовый в печатном виде донос, указана статья, остается только вставить фамилию. Это значит, что если на тебя косо посмотрел сосед - заполни бланк, и человека утром уже не будет. И это практиковалось.

Сегодня мы можем открыто сказать, что наш город стоит на человеческих костях и что в нашем городе до сей поры почитаются имена тех людей, которые уничтожали собственный народ.

Екатерина ВИДЮКОВА,
дочь бывшего узника Вишерских лагерей.

7.07.1930 год. Общий вид торфоразработки. И здесь работали узники Вишлага, и умирали от непосильного труда.

АНДРИАН ГРЕЧУХА

В конце 2006 года в районной газете "Красная Вишера" появилось сообщение о том, что 2007 год решением Земского Собрания объявляется в Красновишерском районе годом Варлама Шаламова в связи со 100-летием со дня его рождения.

Я знал, что В.Т. Шаламов написал книги о Вишерском лагере, но этой книги в библиотеках города не было.

В январе 2007 года в Центральной библиотеке я увидел выставку, посвященную жизни и творчеству юбиляра. Работники библиотеки дали мне на руки четвертый том, когда я сообщил им, что в Вишлагае отбывал срок заключения мой дед.

В нашей семье сохранилось немало фотографий и документов, по которым можно восстановить трагическую судьбу деда, бабушки и других родственников. Сами они о прошлом рассказывали мало.

Точные сведения о времени и причинах ареста деда мы нашли в областном архиве МВД и в одном из томов книги "Годы террора", выпущенной пермским обществом "Мемориал".

Мой дед, Гречуха Андриан Матвеевич, родился в 1905 году на хуторе Арсеновка Опоянского района Полтавской области недалеко от воспитателя Н.В. Гоголем Диканьки. В семье было еще двое братьев: Иван (1902 года рождения) и Василий (1903 года рождения). Занимались крестьянским хозяйством. Имели две пары волов, двух лошадей, коров и другой скот и птицу. Была маслобойка. Семья считалась зажиточной.

Годы революции и гражданской войны были разорительными для жителей хутора. Грабили и "белые", и "красные", и многочисленные банды. 1920 год стал трагедией для семьи. В потоке отступающих к Черному морю ушли совсем еще юные Иван и Василий. Что они испытали, пока обосновались в Париже, мне не приходилось слышать ни от деда, ни от его братьев, хотя они вели длительную переписку.

В этой круговерти Андриан сумел закончить начальную школу только в 14 лет. Больше учиться ему не пришлось. Надо было помогать родителям восстанавливать хозяйство.

В 1925 году Андриан Матвеевич женился на Ефимии Яковлевне Малько. У них родилось двое детей: Иван и Василий.

В 1929 году дважды по месяцу он провел в тюрьме. В 1930 году Особым совещанием Коллегии ОГПУ УССР был осужден на три года в лагерь по статье 58, п.10. Этот лагерь и был четвертым отделением СЛОНа и находился на речке Вижаиха, притоке Вишеры.

На хуторе им оставаться было нельзя. Семью Малько раскулачили и выслали в Мурманск. Ефимия с детьми тоже переехала к ним. А когда муж освободился из лагеря, новая дорога повела на Урал.

Жили сначала в доме "свиданок", упомянутом Шаламовым в антиромане "Вишера". Дом этот был расположен на реке Вишера, ниже пристани.

Бабушка Ефимия с 1 января 1933 года была принята на работу в колхоз, на заготовку дров. Через три месяца получила тяжелое увечье и полгода лежала в больнице. Здоровье ее так и не нормализовалось.

В январе 1938 года Андриана Матвеевича арестовали вновь. В Соликамской тюрьме он провел 16 месяцев. Освободили за недостаточностью улик.

А потом война. Новые трудности. Всем было нелегко.

В 1957 году дед купил домик на улице Окулова, 13. Дети учились, служили в Советской Армии, создали свои семьи.

Василий служил на флоте на Дальнем Востоке. Он закончил строительный техникум. С этой его специальнос-

Семья Гречуха.

В том же архивном деле имеется справка, выданная Управлением Вишерского ИТЛ (исправительно-трудового лагеря) бывшему заключенному Гречуха А.М. в октябре 1932 года.

Из справки я и узнал, что дед был осужден как "антисоветский элемент", а после окончания срока наказания освобожден из лагеря на основании постановления ОГПУ по Уралу от 28.08.1932 года и направлен в распоряжение Райкомендатуры спецпоселения Красновишерск для водворения в спецссылку в район Вишеры. Срок ссылки не указан.

Из лагеря Андриан вышел в рваных сапогах и худеньком бушлате. Чтобы заработать на жизнь, устроился грузчиком на бумкомбинат. В трудовой книжке записано - зачислен на химдоставку на бумфабрику. Сам дед позже назвал эту фабрику адской. Но сумел приобрести кое-какую одежду для себя и скопил денег на дорогу для жены и детей. Они в это время были в Мурманске.

тью связано еще одно событие в жизни деда и бабушки. Уехал Василий в командировку, и два года о нем не было никаких известий. Позже узнали, что в 1955-56 годах он принимал участие в строительстве космодрома Байконур в Казахстане. Сейчас дядя Вася живет на Дальнем Востоке.

Мой дед Андриан, которого здесь стали звать Андреем, прожил 85 лет. Умер в 1990 году. Похоронен на Вишере.

Он поддерживал переписку с братьями, которых вихрем гражданской войны выбросило за границу и которые большую часть жизни прожили в Париже.

Они помогали младшему брату. Особенно большим подспорьем для Андриана были послевоенные посылки с теплыми вещами, сахаром, чаем... Старший брат, Иван, прожил более 90 лет. У нас сохранилось его письмо от 1991 года. Иван Матвеевич писал уже племяннику, моему отцу. Называет своего младшего бра-

та "великим мучеником, без вины пострадавшим", жалеет и Ефимию Яковлевну: "Ей тоже много горя пришлось испытать".

На родине, на Полтавщине, им не удалось побывать. Может, удастся кому-нибудь из нас.

Мой сын, проживающий в Подмосковье, через Интернет нашел на Украине и в Мурманске много людей по фамилии Гречуха и Малько. Но кто из них имеет какое-то отношение к нам? Может, разберемся.

Из школьных учебников мы знаем про Полтаву, про Петра I, разбившего там армию Карла XII. Читали гоголевские "Вечера на хуторе близ Диканьки", учили наизусть отрывки из пушкинской "Полтавы", но для нас-то родина - Урал. И дедушка с бабушкой все дальше отходили от Украины

на наших глазах. Украинского акцента у деда даже не наблюдалось. Лишь изредка, бывало, услышишь от бабушки какое-нибудь словечко, например, "геть!"...

По новогодней открытке из Парижа от Ивана Григорьевича Свинарера мы узнаем, что он всю жизнь искал своего брата Романа и сестру Надежду, которых помнил еще детьми. И не нашел. Я понял, что он тоже в Париже оказался в годы гражданской войны. Он тоже с Полтавщины.

Другой земляк деда оказался в Австралии. Его фотография 1970 года: дом не русской архитектуры, низкая сетчатая ограда, кованая калитка, машина во дворе. На обороте надпись: "Мой лично дом и мой автомобиль". Он думал, что в СССР нет личной собственности. А у деда уже

был домик на улице Окулова, 27. Имел он велосипед, которым очень гордился. О том, что был полностью реабилитирован, дед так и не узнал. А я не знаю ничего о его родителях.

Если имя прадеда Матвей, то отчества я не слышал. А имени и отчества прабабушки - тем более. Как их жизнь сложилась? Мы не расспрашивали. Так и стали людьми, не помнящими родства. Почему я никогда не просил деда показать место на речке Говоруха, где была командировка заключенных, работавших на заготовке и сплаве леса? Это ведь тоже строка из истории нашей семьи.

Владимир ГРЕЧУХА,
внук Гречухи Андриана
Матвеевича, после "отсидки" в
лагере связавшего свою судьбу
с Вишерой.

Узники
Вишлага

ФЕДОР БАЯНДИН

Баяндин Федор Федорович, 1886 г.р., дер. Федорино, Чердынский район, Уральская обл. Русский. Арестован 03.03.1930. Проживал там же. Осужден 28.05.1930. Обвинение: АСА. Приговор: пять лет лишения свободы (лагерь).

"Годы террора"
(часть 3, т.1, стр. 205).

Из рассказа **Николая Ивановича ПЛОТНИКОВА:**

-Баяндин Федор Федорович - мой дед по матери. Он отбывал заключение в Вишералаге. Работал на строительстве бумкомбината.

До ареста он жил в д. Федорино, в 6 км от пос. Керчево, в Чердынском районе. Он имел большую семью: жену и шестерых детей. Жену звали Пелагеей Андреевной. Их детей назову по возрасту: Тихон, Анастасия (моя мать), Наталья, Мария, Яков и Анна. Семья считалась зажиточной. В хозяйстве было две лошади, две коровы. Держали и свиней, и овец, и домашнюю птицу, как в каждом нормальном крестьянском дворе. Но была у деда еще и маслобойка - специальное сооружение для получения масла из льняного семени. Услуги по получению масла оказывали всем жителям деревни, которые сеяли лен. Очевидно, это и послужило основной причиной для раскулачивания.

Деда арестовали. Семье не сообщили, за что. Не знали также, куда его увезли.

А вскоре бабушке объявили, что их

имущество конфискуют. Велено было собираться на спецссылку.

В это время Тихон и Анастасия жили в г. Соликамск, работали на производстве.

Пелагею Андреевну с четырьмя младшими детьми доставили на Печору.

Мне довелось слышать рассказы бабушки о страшных условиях принудительного труда, тяготах выживания на Севере.

Федор Федорович Баяндин отбыл все пять лет на Вишере. Познакомился с людьми, которые помогли в розыске семьи. В итоге в соответствующих инстанциях дали разрешение на воссоединение семьи. Дед был хорошим плотником, и его включили в строительную бригаду.

Когда прибыла жена с детьми, им дали домик в п. Тепловка. Сюда же переехали из Соликамска Тихон и Анастасия.

И тут семья пережила первые потери. Дочь Мария в 16 лет умерла, надорвавшись от непосильного труда на лесозаготовках. От болезни после северных холодов и голода ослабела и умерла младшая дочь - Анна.

А когда началась Отечественная война, призвали на фронт Тихона. Он погиб 22 июля 1943 года. Его фамилия значится в списках "Книги памяти" по Красновишерскому району (стр. 39).

17-летним юношей добровольцем ушел на фронт Яков. Он вернулся домой, но не на Вишеру, а в Федорино.

И не сразу после Победы, а в 1949 году, т.к. ему пришлось отслужить еще действительную службу. Деду вернули дом в Федорино, конфискованный в 1930 году. Бабушка рассказывала, что сделано это было по ходатайству командования воинской части, где служил Тихон. Он героически воевал, и последняя его просьба была о родителях.

Яков устроился на работу на Керчевский рейд. Вскоре он перевез туда из деревни и родительский дом, и родителей. А сам трагически погиб в 1958 году. Незадолго до этого скончался и сам глава семьи - Федор Федорович.

Пелагея Андреевна вернулась в Красновишерск и в дальнейшем жила со своей дочерью Анастасией.

Несмотря на утраты и тяжелейшие испытания, бабушка прожила 87 лет. Наверное, много унаследовала от бабушки моя сестра, Тамара Ивановна Красильникова, которая в конце своей жизни мужественно переносила неизлечимую болезнь.

Я приехал в Красновишерск накануне ее кончины. Здесь мне в руки попала книга "Годы террора". Из книги я узнал, в чем обвиняли и за что был осужден дед. Не каждый поймет, каково это - через столько десятилетий увидеть документ, подтверждающий, что твой близкий родственник пострадал без вины. А разве не жертвы все члены семьи деда?

Январь 2005 года.
Записала Нина ДЮКОВА.

Филипп Дмитриевич Шишкин со своими родными и близкими.

Узники
Вишлага

ФИЛИПП ШИШКИН

Сухощавый, с прямой спиной, несуетный, всегда приветливый и доброжелательный, умеющий внимательно выслушать пациента, с неизменным круглым зеркалом на лбу для осмотра гортани - таким его помнят многие из старшего поколения красновишсерцев и с уважением называют: "Доктор ШИШКИН". А ведь у него не было диплома врача, но лекарем он был от Бога.

Филипп Шишкин был на службе в восьмом оренбургском казачьем полку. Фельдшерское образование получил в местном лазарете знаменитой Свеаборгской крепости (ныне Суоменлинна, город в Финляндии, с 1809 по 1917 годы входивший в состав Российской империи и бывший одной из баз русского Балтийского флота).

После упразднения в 1918 году казачьих войск Филипп Дмитриевич работает фельдшером сначала в Краснохолме, а потом в родном селе Городище, что расположено в 55-ти километрах от Оренбурга.

Овдовев в первом браке, он в 1920 году женится на вдове Наталье Федоровне Пожидаевой, муж которой погиб в гражданскую войну. В семье появились дети: сын Александр и дочери Анна и Елена. Хозяин лечил односельчан, а Наталья Федоровна вела домашнее хозяйство.

Казалось, что ничего не предвещало беды. Но пятого ноября 1930 года в семь часов вечера Филипп Дмитриевич с пятнадцатью односельчанами взят ОГПУ и доставлен в

Оренбургский дом заключения. Шли допросы, допросы, допросы...

Не жизнь - кошмар.

Единственными светлыми минутами жизни были весточки от семьи, которые передавала иногда Наталья Федоровна. В начале 1931 года, в вагонах с решетками повезли его сначала в Самару, потом в Свердловск, а оттуда в Пермь.

По рекомендации доктора А.П. Безскиева Филипп Дмитриевич был назначен в санитарную часть заведовать фельдшерским пунктом третьего отделения УВИТЛ ОГПУ, которое размещалось в Перми на Мотовилихе. Там он пробыл до 25 декабря 1931 года. Потом был отправлен в Соликамск, откуда в числе 118 человек шел пешком на Вишеру. С пятого января 1932 года Филипп Дмитриевич по распоряжению начальника санитарного отделения начал принимать хирургическое отделение центрального лазарета в сангородке и с шестого января приступил к работе, оставаясь заключенным-колонистом, как тогда говорили.

Вызнав адрес мужа, Наталья Федоровна съездила к нему на свидание в г. Пермь и решила, что будет жить с детьми там, где "сидит" он. В 1932 году семья приехала к Филиппу Дмитриевичу в Красновишерск. Дали им комнату в бараке, дети пошли в школу, а Наталья Федоровна устроилась на лесную биржу.

Пока у Филиппа Дмитриевича была колонизация, он жил отдельно от се-

мьи и имел право её навещать только на определенное время и только днем. Продолжал работать в сангородке, а потом в поселковой больнице. В медицине он проработал без малого полвека, выйдя на пенсию в возрасте семидесяти четырех лет.

Филипп Дмитриевич лечил глазные болезни, болезни уха, горла, носа. А когда у самого стало плохо со слухом - сказались жизненные тяготы - перешел на работу в лабораторию больницы. Он был знаком с М.М. Костровым, который подарил Филиппу Дмитриевичу книгу "Терапия глазных болезней", выпущенную в Санкт-Петербурге в 1903 году. Филипп Дмитриевич, в свою очередь, подарил книгу доктору В.С. Шуклину, а тот передал ее в музей. Такая вот преемственность.

Товарищами по несчастью у Шишкина были фельдшера Ефим Изотович Тараба и Стефан Федорович Зелинский.

Корни у Ф.Д. Шишкина в Оренбуржье, а вот ветви и побеги поближе - в Белгороде, Красновишерске, Соликамске, Перми и Екатеринбурге: Шишкины, Чемичевы, Кунцевичи, Плотниковы, Собянины, Ничковвы. И это все пошло от Шишкина Филиппа Дмитриевича, родился который в 1891 году в с. Городище Оренбургской области, а закончил свою жизненную стезю в Красновишерске, в 1968 году.

Зоя ЖУНЕВА,
директор музея.

СТАТЬЯ 58: ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

Ст. ст. 58.1 - 58.18 и 59.2 - 59.12, впредь до утверждения Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР Положения о государственных преступлениях, даются в действовавшей до настоящего времени редакции с необходимыми, вследствие изменений Общей части, технико-терминологическими исправлениями.

Глава I. КОНТР - РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

58.1. Контр - революционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче - Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче - Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.

Контр - революционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции.

58.2. Организация в контр - революционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах, или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею договоры, влечет за собой - расстрел и конфискацию всего имущества, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего имущества.

При установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в настоящей статье преступления, участие в нем - лишение свободы на срок не ниже трех лет.

58.3. Сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью их склонения к вооруженному вмешательству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции, равно как содействие иностранным государствам уже после объявления им войны или посылки экспедиции, в чем бы это содействие ни выразилось, - меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2.

58.4. Участие в организации, действующей в целях совершения преступлений, означенных в статьях 58.1-58.3, - меры социальной защиты, предусмотренные 1 и 2 частью статьи 58.2.

58.5. Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, указанной в статье 58.1 настоящего Кодекса, - те же меры социальной защиты.

58.6. Участие в организации, действующей в целях, означенных в статье 58.1

настоящего Кодекса, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, хотя бы вооруженное восстание или вооруженное вторжение и не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации, - те же меры социальной защиты.

58.7. Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта, в целях совершения действий, предусмотренных статьей 58.1 (экономическая контр - революция) - меры социальной защиты, предусмотренные статьей 58.2.

Те же действия, при отсутствии признаков статьи 58.1, выразившиеся в сознательном неисполнении возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежном их исполнении или осложнении той же деятельности излишней канцелярской волокитой и т.д. (саботаж) - меры социальной защиты, предусмотренные статьей 109 настоящего Кодекса.

58.8. Организация в контр - революционных целях террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих - крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контр - революционной организации, - меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2.

58.9. Организация в контр - революционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений, - меры социальной защиты, предусмотренные 1 и 2 частью статьи 58.2.

58.10. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально-охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контр - революционным организациям или частным лицам, - лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов государства - расстрел.

Передача или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально-охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или по распоряжению руководителя ведомства, учреждения и предприятия, за вознаграждение или безвозмездно организациям или лицам, указанным в 1 части настоящей статьи, - лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до трех лет.

Примечание. Специально-охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, ут-

верждаемом Советом Народных Комиссаров Союза ССР и опубликовываемом во всеобщее сведение.

58.11. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контр - революционных правительств в период гражданской войны, - меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2.

58.12. Укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям, предусмотренным в статьях 58.2 - 58.11, не связанным с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности о их конечных целях, - лишение свободы на срок не ниже одного года.

Недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных преступлениях, предусмотренных статьями 58.2 - 58.10 настоящего Кодекса, - лишение свободы на срок до одного года.

58.13. Пропаганда и агитация, выражающаяся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменческих действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговой повинностей, - лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет. Те же преступления, совершенные в военной обстановке или при народных волнениях, - расстрел.

Призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти при неуставности контр - революционных целей - меры социальной защиты, предусмотренные статьей 59.6 настоящего Кодекса.

58.14. Использование религиозных предрассудков масс с целью свержения Рабоче-Крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям - меры социальной защиты, предусмотренные статьей 58.13 настоящего Кодекса.

58.15. Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в статье 58.1, - изгнание из пределов Союза ССР или лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет.

58.16. Самовольное возвращение в пределы Союза ССР в случае применения меры социальной защиты по пункту "а" статьи 20 настоящего Кодекса - расстрел.

58.17. Изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контр - революционного характера - лишение свободы на срок не ниже одного года.

58.18. Измышление и распространение в контр - революционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее - лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

При недоказанности контр - революционности означенных действий, мера социальной защиты может быть понижена до принудительных работ на срок до трех месяцев.

ПОЭЗИЯ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Стихи свои В.Т. Шаламов ставил выше прозы, хотя и считал, что границы прозы и поэзии, особенно в душе автора, очень приблизительны. Он много размышлял о поэзии, о ее слагаемых, писал о том, как он работает над стихотворением.

Л. Т.

Стихи - это боль и защита от боли,
И - если возможно! - игра.
Бубенчики пляшут зимой в чистом поле,
На кончике пляшут пера.

Стихи - это боль и целительный пластырь,
Каким утишается боль,
Каким утешает мгновенно лекарство -
Его чудодейственна роль.

Стихи - это боль, это скорая помощь,
Чужие, свои - все равно,
Аптекарь шагает от дома до дома,
Под каждое ходит окно.

Стихи - это тот дополнительный градус
Любых человеческих страстей,
Каким накаляется проза на радость
Хранителей детских затей.

Рецептом ли модным, рецептом старинным
Фармакологических книг,
Стихи - как таблетка нитроглицерина,
Положенная под язык.

Среди всевозможных разрывов и бедствий
С облаткой дежурит поэт.
Стихи - это просто подручное средство,
Индивидуальный пакет.

Задачей огромной и первостепенной важности считал Шаламов возвращение читателю, и особенно поэтической молодежи, творчества прекрасных поэтов - В. Ходасевича, М. Цветаевой, М. Кузьмина, А. Белого, О. Мандельштама.

Однако В. Шаламову близок не только эстетический, но и укорененный в российской традиции нравственный подход к поэзии.

"Мы верим в стихи не только как в облагораживающее начало, не только как в приобщение к чему-то лучшему, высокому, - писал он, - но и как в силу, которая дает нам волю для сопротивления злу".

СЛАВЯНСКАЯ КЛЯТВА

Клянусь до самой смерти
мстить этим подлым сукам,

Чью гнусную науку я до конца постиг.
Я вражескою кровью свои омою руки,

Когда наступит этот
благословенный миг.
Публично, по-славянски
из черепа напыюсь я,
Из вражеского черепа,
как делал Святослав.
Устроить эту тризну
в былом славянском вкусе
Дороже всех загробных,
любых посмертных слав.

В отечественном прошлом ему близки "горячие", мученические, мятежные судьбы - казненных Петром стрельцов, суриковской боярыни Морозовой, протопопа Аввакума. Их неукротимый дух, их жертвенность и несмирненность вызывают в поэте горячий отклик.

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Прощаться с сонною Москвою
Женщина выходит на крыльцо.
Бердыши тюремного конвоя
Отражают хмурое лицо.

И широким знаменьем двуперстным
Осеняет шапки и платки.
Впереди - неслученные версты,
И снега - светлы и глубоки.

Перед ней склоняются иконы,
Люди - перед силой прямоты
Неземной - земные бьют поклоны
И рисуют в воздухе кресты.

С той землей она не будет в мире,
Первая из русских героинь,
Знатная начетчица Псалтыри,
Сторож исторических руин.

Возвышаясь над толпой
порабощенной,
Далеко и сказочно видна,
Непрощающей и непощенной
Покидает торжище она.

Это - веку новому на диво
Показала крепость старина,
Чтобы верил даже юродивый
В то, за что умрет она.

Не любовь, а бешеная ярость
Водит к правде Божию рабу.
Ей гордиться - первой из боярынь
Встретить арестантскую судьбу.
Точно бич, раскольникове распряте
В разъяренных стиснуто руках,
И гремят последние проклятья
С удаляющегося возка.

Так вот и рождаются святые,
Ненавидя жарче, чем любя,

Ледяные волосы сухие
Пальцами сухими тербя.

Особой теплотой отличаются стихотворения о животном мире. Сами названия скажут о многом: "Баллада о лосенке", "Ястреб", "Белка", "Ты держись, моя лебедь белая...", цикл "Славословие собакам", "Голуби", "Пес", "Нерест", "Кета родится в донных стойлах".

БАЛЛАДА О ЛОСЕНКЕ

У лиственницы рыжей,
Проржавленной насквозь,
Мои ладони лижет
Губастый серый лось.
Ружья еще не слышал
И смерти не искал.
Ко мне навстречу вышел,
Спустился с дальних скал.
В лесу ему - раздолье,
Но в этот самый час
Встречаю я хлеб-солью
Его не в первый раз.
Он нынче здесь без старших;
Доверчив, бодр и смел,
Сюда стоверстным маршем
Лосенок прилетел.
В тайге нас только двое,
И нам дышать легко -
Все прочее живое
Укрылось далеко.
Мы грамоты не знаем,
И этот горный край
Всерьез считаем раем,
И чем бы он - не рай?

"Поэзия - это прежде всего судьба, итог длительного сопротивления, итог и в то же время способ сопротивления - тот огонь, который высекается при встрече с самыми крепкими, самыми глубинными породами.

Поэзия - это и опыт, личный, личнейший опыт, и найденный путь утверждения этого опыта - непреодолимая потребность высказать, фиксировать что-то важное, быть может, важное только для себя".

КАМА ТРИДЦАТОГО ГОДА

По камским берегам каемкою
Звероподобные коряги -
Сюжеты скульптора Коненкова,
Заполонившие овраги.
По камским берегам острогами
Селенья врезаны Ермачи
И солеварни те, что Строганов
Устраивал в края казачьих.
По камским берегам - строения,
Навек пропитанные солью,
И бархатные наслоения
Зеленой плесени Усоляя.
Посад Орел, откуда начато
Завоевание Сибири,

Где гений воинства казачьего
Стоял когда-то на квартире...
Но бревна солеварен сломаны
Не топором, а динамитом,
И берега в рабочем гомоне
Торопят новые события.
Ты, Кама, рыжая красавица,
Ты заплетаешь струи в косы,
Чтоб настоящему понравиться,
Бежишь рекой звонкоголосой.

"Я свои стихи пишу, а не сочиняю
в уме, как Маяковский, как Мандель-
штам. Привычка записывать - не эконо-
мная в высшей степени привычка,
вынужденная обстоятельствами моей
жизни".

Не спеши увеличить запас
Занесенных в тетрадь впечатлений,
Не лови ускользящих фраз
И пустых не веди наблюдений.
Не ищи, по следам не ходи,
Занимайся любовью работой, -
Сердце сразу забьется в груди,
Если встретится важное что-то.
Наша память способна сама
Привести в безупречный порядок,
Все доставить тебе для письма,
Положить на страницы тетрадок.
Не смутись, - может быть, через
год
Пригодится такая обнова -
Вдруг раскроется дверь и войдет
Долгожданное важное слово.

НАД СТАРЫМИ ТЕТРАДЯМИ

Выгорают бумага,
Обращаются в пыль
Гордость, воля, отвага,
Сила, сказка и быль.

Радость точного слова,
Завершенье труда, -
Распылиться готова
И пропасть без следа.

Сколько было забыто
На коротком веку,
Сколько грозных событий
Сотрясало строку...

А тетрадка хранила
Столько бед, столько лет...
Выгорают чернила,
Попадая на свет

Вытекающей кровью
Из слабеющих вен:
Страстью, гневом, любовью,
Обращенными в тлен.

"Рифма - поисковый инструмент.
В тот неизмеримо малый миг, когда
мозг поэта ищет рифмы, с помощью
этого рычага в мозгу поэта пролетают
миллионы, миллионы сочетаний -
миры исторический, физический, бес-
конечное количество проб, пластов

затрагивает, приподнимает, освеща-
ет в мозгу поэта за эту миллионную
долю мига...

Поэт только тормозит в своем со-
знании какую-то часть ощущений бо-
лее чем с космической скоростью -
картины жизни, природы, истории,
собственная душа".

Стихотворения - тихотворения,
И это - не обмолвка, нет,
Такие они с рождения,
С явленья на белый свет.
Стихотворения - тихотворения
И требуют тишины,
Для тонкости измерения,
Длины, высоты, ширины.
Стихотворения - тихотворения,
Поправок, доделок - тьма!
От точности измерения
Зависит и жизнь сама.

В изображении природы В. Шала-
мов следует традиции русской поэзии
XIX века. Это одушевление, очелове-
чение природы в двадцатом столетии
наиболее ярко проявилось у Н. Забо-
лотского, Б. Пастернака.

У автора "Колымских рассказов"
это не только перенесение челове-
ческих свойств на природу, не про-
сто ее очеловечение, не только сбли-
жение двух миров, но и их взаимо-
проникновение, их редкостная слит-
ность, когда одно просвечивает
сквозь другое.

Не шиповник, а пионы,
Точно розы без шипов,
Утвердят во мне законы
Новых мыслей, новых слов.

И приносит запах смутный
Чьей-то жизни слабый тлен,
Как мгновенный, как минутный
И неотвратимый плен.

Это голос отдаленный
Незабытых дней, времен,
Стон коленопреклоненный,
Хорошо известный стон.

* * *

Сирень сегодня поутру
Неторопливо
Отряхивалась на ветру
Брезгливо.
Ей было, верно, за глаза
Довольно
Дождя, что в ночь лила гроза
Неволью.
И пятипалым лепестком
Трясла в ненастье,
Сирень задумалась тайком
О счастье,
Не нужном людям до утра,
До света,
Хотя знакома и стара
Примета.

СОСНЫ СРУБЛЕННЫЕ

Пахнут медом будущие бревна -
Бывшие деревья на земле,
Их в ряды укладывают ровно,
Подкатив к разрушенной скале.

Как бесславен этот промежуток,
Первая ступень небытия,
Когда жизни стало не до шуток,
Когда шкура ближе всех - своя.

В соснах мысли нет об увяданье,
Блещет светлой бронзой кора.
Тем страшнее было ожиданье
Первого удара топора.

Берегли от вора, от пожара,
От червей горбатых берегли -
Для того внезапного удара,
Мщенья перепуганной земли.

Дескать, ждет их славная дорога -
Лечь в закладке первого венца,
И терпеть придется им немного
На ролях простого мертвеца.

Чем живут в такой вот час смертельный
Эти сосны испокон веков?
Лишь мечтой быть мачтой
корабельной,
Чтобы вновь коснуться облаков!

РОЗОВЫЙ ЛАНДЫШ

Не над гробами ли святых
Поставлен в изголовье
Живой букет цветов витых,
Смоченных чистой кровью.
Прогнул лавковый листок,
Отяжелен росой.
Открыл тончайший завиток
Со всей его красою.
И видны робость и испуг
Цветка в земном поклоне,
В дрожанье ландышевых рук,
Ребяческих ладоней.
Но этот розовый комок
В тряпье бледно-зеленом
Назавтра вырастет в цветок,
Пожаром опаленный.
И, как кровавая слеза,
Как Макбета виденье,
Он нам бросается в глаза,
Приводит нас в смятенье.
Он глазом, кровью налитым,
Глядит в лицо заката,
И мы бледнеем перед ним
И в чем-то виноваты.
Как будто жили мы не так,
Не те читали книги.
И лишь в кладбищенских цветах
Мы истину постигли.
И мы целуем лепестки
И кое в чем клянемся.
Нам скажут: что за пустяки, -
Мы молча улыбнемся.
Я слышу, как растет трава,
Слежу цветка рожденье.
И, чувство превратив в слова,
Сложу стихотворенье.

Память

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,

Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распоряденья глаз.

Это умное умение,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сбечь
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.

Эти точные движенья,
Позабывшие давно, -
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.

Варлам ШАЛАМОВ
1957

Опечатки в буклете

Номер страницы	Напечатано	Следует читать
стр. 3 1 столбец 2-ой абзац	...необозримого...	... необоримого...
стр. 4 3 столбец 2-ой абзац	... за сержанта. Сержанта оставили	... за сектанта. Сектанта оставили
стр. 5 подпись под статьей	Подготовила Нина Дюкова	Текст д/ф. Автор А.Свиридов при участии И.Сиротинской
стр. 18 3 столбец первая строка	...у нефтяников Вишеры	...у нефтяников Томска
стр. 20 1 столбец – жирный шрифт наверху в скобках	с 1931 по 1934 г.г....	с 1929 по 1932 г.г....
стр. 21 2 столбец 8 абзац	«Чёрная Вологда»	«Четвертая Вологда»
стр. 24 3 столбец 4 строка	... рэкитирами.	...рэкетирами.
стр. 25 1 столбец 4 абзац	...брокёром.	...бракёром.
стр. 27 подпись под статьей	Клавдия Бутова, дочь репрессированного Саенко Ивана Григорьевича	Клавдия Бутова, дочь репрессированного Саенко Ивана Ивановича